

Марьяна Романова

ОСТРОВ СМЕРТУШКИН

Увидеть его могут только люди,
которых сама Смертушка в гости ждет.
Тогда уже хочешь не хочешь, а придется ехать...

Бестселлеры Марьяны Романовой

Марьяна Романова
Остров Смертушкин

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова М.

Остров Смертушкин / М. Романова — «АСТ»,
2018 — (Бестселлеры Марьяны Романовой)

ISBN 978-5-17-090886-8

В книге «Остров Смертушкин» присутствует атмосфера безоглядного ужаса, напряженности и необъяснимого страха перед внешними силами, неизвестными нам. Смерть здесь – возбуждающее чудо и странность. Принято считать, что с помощью ледящих кровей историй читатель обретает нечто вроде катарсиса – очищение от страхов и рефлексий, может, хотя бы отчасти, отыскать причину своих угрюмых грез и мрачных видений. Да, в этом романе есть страх, но это страх-загадка, страх-ожидание, страх-предвкушение, страх-интерес, и потому он не воспринимается как угроза нашему собственному существованию. Ведь любые жуткие образы – это в конечном счете яркий плод вашего воображения, дорогой читатель!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090886-8

© Романова М., 2018
© АСТ, 2018

Марьяна Романова

Остров Смертушкин

© М. Романова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Сезон муссонных ливней подкрался к заросшему непроходимыми джунглями острову и влажными лапами вытеснил зимнюю засуху. Мутно-зеленые волны горячего океана дробили перевернутый месяц на сотни серебристых осколков, похожих на разбитое зеркало. Джунгли предвкушали проливной дождь, тянули ветви к выцветшему тропическому небу, пели гимн приближающейся влаге многоголосым нестройным хором – крики обезьян, треск, клёкот и свист разноцветных птиц, хриплые вздохи просыпающегося болота.

Старуха с коричневым от загара лицом, круглым, как медная тарелка, осторожно шла по размытой ливнем земле, ловко пробираясь между тесно растущих деревьев. В одной ее руке была увесистая сучковатая палка, похожая на артритную руку великана – Старуха пристукивала ею землю, прежде чем сделать очередной шаг. В другой – маленький, остро заточенный топорик, которым она ловко перерубала лианы, перегораживающие путь. Руки у нее были жилистые и сильные. Руки крестьянки, всю жизнь кормившейся от земли.

В невидящих глазах, подернутых мутной серой пленкой, жутковато преломлялся свет луны, и казалось, что они наполнены дымом.

Старуха ослепла почти три четверти века назад. Но и тогда, давным-давно, она уже была немолодой и сторбленной. Бабка жила на свете столько лет, что почти ничего не помнила, кроме своей бесконечной старости, упырем присосавшейся к ее слабеющему телу.

Она очень устала. Все у нее болело – ноги, суставы, спина, желудок, сердце. Но смерти она не желала и не ждала – напротив, боялась и воспринимала ее бархатный занавес как вход в геенну огненную. Старухе было за что гореть в вечном пламени, и она боялась даже об этом думать.

Несмотря на слепоту, она отлично ориентировалась в лесу, словно у нее было обоняние зверя или встроенный компас.

Идти становилось все сложнее – теперь ноги по щиколотку вязли в илстой слякоти. Земля была такой засасывающей и цепкой, будто хотела непременно утянуть Старуху в бездонные гнилостные глубины и перемолоть в пыль в подземных огненных жерновах.

Близился конец пути.

Дерзкие ароматы ночных цветов, сочных влажных листьев, горячей скользкой земли, мускусной близости невидимого зверя стали слабее, словно их развеял океанский бриз. Над пузырящимся, поросшим жесткой осокой болотом солировал иной запах – тяжелый и тревожный до дрожи. Старуха знала запах этого болота уже полвека, но так и не смогла к нему привыкнуть.

Кто хоть раз почувствовал омерзительный запах, никогда его не забудет и ни с каким иным не перепутает. Как-то сразу можно было понять, что это запах смерти. Древний уснувший инстинкт подсказывал – неблагой запах, опасный. И кожа бугрится ледяными мурашками, и сердце раздувается, как старая жаба, заполняет собой всю грудную клетку и колотится так, что трудно дышать. Гнилостная сладость расплзающейся плоти, присахаренный металл разлитой крови, страх, угасание, последняя агония надежды и равнодушие вечного небытия.

Вот и сейчас Старухе пришлось остановиться, опереться рукой в дерево и выблевать свой скудный обед. Утерев рот подолом легкой выцветшей юбки, Старуха продолжила путь. Осталось совсем немного. Она уже слышала призыв, шла на него, как оборотень на полную луну.

Наконец ее палка уткнулась в гладкий ствол мощного растения. Эти растения росли в сердцевине болота, их листья, похожие на гигантские листья кувшинки, были размером с колесо грузового автомобиля. Более слабые экземпляры стелились по краю болота.

Старуха жалела слабеньких и всегда кормила их первыми. Она осторожно погладила упругий горячий лист. Она уже давно не чувствовала страха. Как будто входила в клетку к вялым перекормленным тиграм.

Старая женщина ощутила мягкое прикосновение к щеке – к ней прислушивались, ее ощупывали.

Болотную траву качнул порыв ветра, и запах гниющего белка усилился. Странные растения почуяли присутствие Старухи, звали ее. Они были голодны.

Со вздохом женщина сняла с плеч большой туристический рюкзак. С коротким «вжик» разъехалась молния, и брезентовое нутро явило гостинцы, которые она принесла.

– Мало, – сокрушенно заметила она. – Сама понимаю, что этого мало...

Старые люди часто сами с собой разговаривают вслух, будто вокруг них толпятся призраки.

Она вынула из рюкзака пакет, достала из него увесистый шмат парного, сочащегося сукровицей мяса, из которого торчали обрубленные кости. На открытой ладони протянула пищу в пустоту душной ночи – и едва успела отдернуть руку. А потом, замерев, слушала чавканье и хруст. И в который раз благодарила всех богов за то, что слепота не позволяет ей видеть, как это происходит. Как *они* едят.

Недолго задержавшись возле первой группы, Старуха пошла дальше, каждые несколько метров останавливаясь и протягивая в пустоту мясо.

Над болотом воцарилось торжество полуночного пира.

Отдав последний кусок, она торопливо водрузила рюкзак на спину и с максимальной скоростью, на которую была способна, двинулась в обратный путь. Старуха знала, что с минуты на минуту *они* поймут, что еды сегодня мало – еще меньше, чем в прошлый раз. И тогда ей не унести ноги.

Уже почти добравшись до кромки леса, она вдруг почувствовала, как по спине будто полоснули гибким прутом. Одно растение не выдержало и пометило ее как жертву, как еду. И это несмотря на то, что Старуха растила их сызмальства.

Одним широким прыжком бабка выскочила в безопасную зону – и откуда только силы взялись! Больно приземлилась на колени в вонючую болотную жижу, теплыми каплями оросившую ее лицо.

Обожженное ударом место глухо саднило – такое случилось не в первый раз, и Старуха знала, что теперь рана не заживет очень долго. Несколько месяцев будет подгнивать по краям.

Она палкой нащупала поваленное дерево, села и беззвучно заплакала от бессилия, вытирая слезы ладонью.

Вдруг ей почудились шаги, совсем рядом. Старуха насторожилась, повела носом и успокоилась – запах незваного гостя был ей знаком.

– Это ты, – глухо сказала она.

– Опять напали? – спросил мужчина на ее языке уверенно, но с чудовищным акцентом.

– Как видишь. Им мало. Так нельзя. Я больше не могу носить так мало мяса. Это для меня опасно. Когда еды не хватает, *они* всегда нападают, – вздохнула Старуха.

Мужчина опустил на дерево рядом с ней. Старуха почувствовала твердость его плеча и кислотный запах пота.

– Где же взять больше мяса? – спросил он. – На ферме почти никого не осталось.

- Плохо охотитесь. В следующую субботу сам понесешь рюкзак.
- Ну, прекрати. Ты же знаешь, что *они* принимают только тебя. Мне и двух метров не пройти по этому болоту, даже если целый воз мяса приволоку.
- Если их не кормить, *они* не зацветут. Начинается сезон дождей. *Они* могли бы набрать бутоны, если бы было вдоволь мяса.
- Мы решаем этот вопрос. Ксавье вчера отправился на материк. Привезет кого-нибудь.
- Только тощих пусть не берет.
- Ты слишком многого хочешь... Ну ладно-ладно. Не расстраивайся. Ксавье – хороший охотник.
- Сам-то зачем сюда приперся среди ночи? – ворчливо спросила Старуха и закусила нижнюю губу – рана на спине стала саднить сильнее.
- Меня послали проследить, чтобы с тобой ничего не случилось, – ответил мужчина. – Убедиться, что ты жива.
- Ага, значит, понимают, как я рискую.
- Это долго не продлится. Скоро вернется Ксавье и будет мясо. А сейчас пойдем, я провожу тебя домой.

* * *

История эта странная, как сказка, обрывками дошедшая до нас из дремучих времен, мрачная, средневековая. Будто бы посреди зеленой водной глади, которой ни конца ни края не видать, лежит под солнцем удивительный остров Смертушкин. Случайно человек не может его найти, но даже если нарочно снарядит к нему свой корабль – не отыщет. Остров тот могут увидеть только люди, которых сама Смертушка к себе в гости ждет. Тогда уже хочешь не хочешь, а придется ехать.

О какой местности речь идет – и не поймешь уже. Одни говорят, что это северные земли, где небо круглый год припудривает океан снегом, другие считают, что Смертушкино тайное царство находится в самом центре Земли, где зима и лето похожи друг на друга. А есть и такие, которые утверждают, что остров тот не в середине океана прячется, а в бескрайнем озере. У этой, последней, теории было много последователей в романтические девятые годы, когда происходящее вокруг было так страшно, что люди легко верили в чудо и бросались искать доказательства.

Про остров Смертушкин писали популярные газеты, и нашлись энтузиасты, организовавшие поисковые экспедиции. Кто-то бороздил Ладожское озеро, кто-то ехал на Крымское побережье, ища остров на дне морском. Появились даже богачи-романтики, которые могли себе позволить исследовать заморские острова, нанять команду аквалангистов и, попивая просекко – итальянское игристое вино – на белоснежной яхте, контролировать, достаточно ли те преданы идее и активны в поисках.

В те годы один журналист опубликовал, а его собратья по перу сороками разнесли по всему информационному пространству загадочную историю.

Некий банкир несколько лет финансировал уфологические экспедиции – он искренне верил, что раз у него получилось схватить за хвост птицу счастья и нажать быстрые деньги, то именно он достоин стать первым землянином, который пожмет руку пришельцу из далеких галактик.

Из-за этого странного хобби от банкира даже ушла жена, несмотря на то, что их семейное гнездышко находилось не в какой-нибудь коряво сложенной хрущевке (не требуется особенной силы воли, чтобы уйти в дальние дали, оставив за спиной тесную комнатку с вечно поющими батареями и скандальными соседями за тонкой стеной), а в пятиэтажном особняке, выстроенном на манер дворца, с колоннами, зимним садом и штатом прислуги, театрально

одетой в дореволюционные наряды. Жена ушла в панике и с единственным чемоданом, потому что никакие меха и сверкающие камни-самоцветы не могли сравниться с той свободой, которую она обрела, – больше не надо было часами слушать бред о том, что ее супруг вскоре полетит на Альфу Центавру; больше не надо было терпеть сочувственные взгляды друзей, которых становилось все меньше. Теперь она могла жить хоть в маленьком, но светлом и уютном доме – без любительской обсерватории, без странных гостей, нервных, с густой растительностью на обветренных лицах, с шизофренически блестящими глазами.

Банкир несколько лет водил дружбу с самыми лютыми и погруженными в контекст уфологами, возил их то к местам падения метеоритов, то в аномальные зоны тайги, то на Северный полюс. Но потом понял, что лукавые уфологи просто водят его за нос, они и сами-то не верят, что однажды длинноголовые и трехглазые синие инопланетяне, чьи тела распространяют серебристое свечение, выйдут из густых зарослей орешника где-нибудь на краю земли, в Сибири, и скажут: «Ну, здравствуй, брат! Ну, наконец-то!» Уфологам просто нравилось, что можно бесплатно путешествовать и жить в непромокаемой немецкой палатке, а не укреплять полиэтиленом сто раз заштопанную советскую; что можно взять с собою не самогон, а ящик хорошего виски, и закусывать сырокопченой колбаской.

Банкир был разочарован настолько, что даже устроил погром в домашней обсерватории – его психоаналитик считал, что нельзя удерживать гнев внутри.

Но мятежный ум и жажда приключений требовали новый объект сублимации, и подвернувшаяся легенда об острове Смертушкин пришлась как нельзя кстати.

Банкир нанял штат из восемнадцати служащих – ученых, аквалангистов, даже телохранителей. В глубине души он, конечно, понимал, что даже до зубов вооруженные люди с быстрой реакцией, крепкими мускулами и ледяными сердцами едва ли смогут сделать хоть что-нибудь против такого соперника, как сама Смертушка. Она и воевать с ними не станет, просто в ее черных глазах появится фирменная Смертушкина поволока, противостоять которой не смогут никакие спецназовские психотехники. Походка Смерти будет мягкой, голос – вкрадчивым, а объятия – сладкими. Но все-таки с охраной было как-то спокойнее.

И вот вся эта компания отправилась на какие-то экваториальные острова, где сначала неделю пугала администрацию местных городков, неискушенную встречами с психами такого рода, а потом отбыла на арендованной яхте в океан.

И больше их никто никогда не видел.

Зато яхту нашли – брошенная, она качалась на волнах. Московские друзья банкира скинулись на поисковую экспедицию, только все без толку – все восемнадцать человек пропали, даже косточек не нашли.

Одна деталь этой истории особенно возбуждала журналистов – будто бы на борту яхты острым гвоздем было нацарапано коряво: «Он все-таки существует! Не ищите его».

Кто-то, конечно, посчитал, что это грамотная мистификация, и банкир воспользовался мрачной легендой, чтобы скрыться от налогов, кредиторов, «крыши», или от киллера, короче, от тех, от кого обычно скрываются отважные банкиры. И теперь, изменив внешность и поменяв документы, наслаждается жизнью где-нибудь в Майами, а то и вовсе в Сиднее. Но были и такие, которые верили, что банкиру удалось-таки найти остров Смертушкин.

В общем, похоронили пустой гроб (в него положили любимый костюм банкира и его неразборчивые записи «уфологических времен»), бывшая жена даже всплакнула на поминках, а потом вступила в права наследования, вернулась в пятиэтажный особняк и, кажется, живет в нем до сих пор в добром здравии.

А один известный в узких кругах поэт, чемпион мира по бытовой философии под пиво с воблой, написал про остров Смертушкин небольшой очерк, который опубликовали в литературном журнале, а потом его еще долго цитировали на богемных московских кухнях.

Поэт писал о том, что в реальности никакого острова не существует, что не стоит понимать сказки и мифы буквально, ведь они написаны на языке символов. Так что остров Смертушкин – это просто часть человеческой психики, которая отвечает за интуитивное предчувствие кончины и переносит человека в особенное пространство, чтобы еще при жизни его сознание начало примиряться с Вечностью. Также философ утверждал, что Смертушка не сразу забирает человека в свои заморские владения – нет. Она сначала приходит в гости и некоторое время живет неподалеку от того, кому уже куплен билет с проставленной датой на лодку Харона. Сидит напротив за кухонным столом, смотрит, как тот пьет чай – ласково смотрит, почти по-матерински, подперев костлявой рукою щеку.

Смертушку простому смертному не видно, зато ее присутствие явственно ощущается, и разделившему с ней радость чаепития становится вдруг как-то не по себе – в груди холодок набухает, по жилам разливается состояние почти ласковой приятной тоски. Хочется даже тарелку с бутербродом отодвинуть, подойти к окну и взглянуть вдаль – как будто мокрые крыши московских домов, упирающиеся в размазанный горизонт, и есть та самая Вечность.

Смертушка и в офис тащится за своим будущим гостем. Тот сидит на своем рабочем месте, шуршит бумажками, ссорится с коллегами, ходит на какие-то совещания, подписывает какие-то документы с верой, что они действительно важны. А Смертушка стоит чуть поодаль, не вмешивается и качает снисходительно головой, мол, был бы ты, братец, изящнее устроен, послал бы в известное место все эти бумажки и совещания, отправился бы к старому пруду в подмосковном дачном поселке да посидел бы хоть пару часиков на берегу. В детстве тот пруд казался тебе морем, и ты верил, что на его илистом дне лежит не дырявый резиновый сапог дачного сторожа Петровича, а пиратский клад, и ты строил замечательный плот из прогнивших досок и отважно вступал в схватку со стихией, а упитанные жабы воспевали твои подвиги. И ты ухитрялся просочиться между Сциллой – бабушкой, вооруженной пучком свежей крапивы и угрожающей отхлестать за то, что опять испачкал штаны, и Харибдой – милой русоволосой соседской девочкой, которой ты запланировал подарить тот самый пиратский клад, когда его обнаружишь. Только ни в коем случае нельзя, чтобы она увидела, как смешно ты балансируешь посреди грязного пруда на самодельном плоту. Ты потом часто вспоминал и пруд, и девочку – и всегда при этом у тебя появлялась улыбка. Пруд высох, стал мелким и маленьким, дачный сторож Петрович насмерть замерз, уснув пьяным в сугробе, бабушка до последних лет держалась молодцом, а потом некая мрачная генетическая программа бросила ее на растерзание каким-то опухолям, которые в считанные дни сожрали и ее тело, и ее рассудок. Нежная русоволосая девочка набрала тридцать лишних килограммов, и из ее спокойных серых глаз ушла пленительная грусть, уступив место тому коктейлю эмоций, который обычно называют «бабьей тоской». И волосы волшебные она коротко подстригла и выкрасила в желто-белый цвет. Однажды ты встретил ее на улице и не узнал, она сама подошла поздороваться, и ты потом даже пива домой купил и весь вечер им утешался, и даже радовался, что не нашел тогда клад и не подарил ей. А то теперь было бы жутко обидно, что твоим детским сокровищем владеет эта бабища с лицом, похожим на изрытую кратерами лунную поверхность. В ту последнюю свою земную минуту, когда я, Смерть, вручу тебе билет без возврата и ты с удивлением и страхом прочитаешь направление, ты пожалеешь, что не съездил в тот дачный поселок. Зря ты сидишь голодный и сутулый, важничаешь, и экран твоего компьютера мерцает холодно, как владыка времени Сатурн.

Иногда кто-то из коллег чувствует Смертушкино присутствие – обычно такой свидетельницей становится какая-нибудь молоденькая секретарша с невнятным гуманитарным образованием, трепетным сердцем и скучной жизнью. Она обнимает худенькими руками себя за плечи и говорит: «Что-то холодом повеяло. Кто-то форточку открыл?»

И кто-нибудь, например, румяная бухгалтерша с сытым простеньким личиком и сложной прической, отвечает: «Да тут духота! Просто не жрешь ничего, вот и мерзнешь всё время. На вот, возьми пирожок, сама пекла!»

Смертушка и домой за бедолагой притащится, уютно устроится в соседнем кресле, пока он будет жевать разогретое в микроволновке картофельное пюре с котлетами под убаюкивающее бормотание новостного канала. На экране Смертушка и своих увидит, улыбнется ностальгически – вот там был военный переворот, в результате которого в ее белые земли эмигрировало больше сотни человек, а вот там – землетрясение.

Приговоренный доест ужин, нехотя помоеет тарелку и отправится спать, уверенный, что завтра колесо сансары привычно повернется в заданной траектории, и всё повторится – утренний чай, офис, прогулка от метро под легкими снежинками. Но почти уснув, вдруг поймает ледяной взгляд и даже почти не испугается, хотя сразу же все поймет, и Смертушка будет с ним ласкова, прикроет его веки холодной ладошкой, и тогда он увидит ее вотчину – тот самый остров, на котором, в свое время, каждый из родившихся получит вечную прописку. Вот что писал поэт о загадочном острове.

Но на смену девяностым годам пришли энергичные нулевые, карточные домики рухнули, на их месте появились очертания воздушных замков, всё изменилось, большинство «желтых» газет кануло в Лету, и про древнюю сказочку об острове Смертушкин все постепенно забыли.

* * *

Ночь мучила духотой, было трудно дышать. Горячий железный воздух одуряюще кружил голову ароматом распускающихся к закату ночных цветов. Тело покрывалось соленой пленкой конденсата. Любой случайный сквозняк воспринимался дыханием бога, дарующего благодать. Но Патрика, валяющегося на земле, била крупная дрожь, как будто его тело подчинялось другим, инопланетным ритмам. Прижав колени к груди и обняв себя руками, он пытался хоть как-то согреться. Его спутанное сознание было похоже на замусоренный пруд. Иногда среди горячего температурного морока, растворявшего любое побуждение к мышлению, перед его внутренним взором всплывали конкретные образы.

Женское улыбающееся лицо...

Серые глаза, веснушки на вздернутом носу, белесые ресницы. Это жена, Мария. Интересно, что она подумала, когда он не вернулся в город к назначенному сроку? Почувствовало ли ее сердце, что он в беде? Или она легко поверила в то, что его растворила беспечная, лишенная якоря и ответственности жизнь, к которой он так стремился?

Если и так, сам виноват...

Последние месяцы у них были натянутые отношения. Кризис семи лет, говорят психологи. Пройдет. Они оба ждали. Но время шло, а становилось только хуже. Лицо Марии, которым он когда-то украдкой любовался на рассвете, когда она еще спала, теперь вызывало только раздражение. Как и ее голос. И слова, которые она говорила. Ее мелкие придирки. Ее заикленность на желании продолжить род. Патрик был бы не против, если бы в их семье появился ребенок, но он не был готов прилагать к этому искусственные усилия. Мария же каждую неделю бегала по новомодным врачам, пила какие-то травы, из-за которых ее дыхание пахло старинной аптекой, а после секса (который случался все реже и реже) подолгу лежала с закинутыми на стену ногами. Из их жизни ушла тонкость восприятия друг друга, спонтанность, любовная загадка – основа алхимического коктейля отношений.

И вот в какой-то момент он не выдержал. Воспитанный строгими католиками (пусть и находился в сложных отношениях с небесами), он бы никогда не стал изменять жене. Но однажды просто сказал: «Мне нужно время». Мария не спорила. Она была рада – удовлетворенно смотрела, как он укладывает рубашки и шлепанцы в огромную спортивную сумку. Воз-

можно, у нее был любовник. Патрик снял небольшую квартиру-студию. Но спустя непродолжительное время понял, что такого рода одиночество вряд ли залечит его раны, и тогда придумал это путешествие.

Патрик сказал Марии правду – он хочет отправиться на экваториальный остров и там успокоиться, подумать о жизни, и особенно о той кривой тропинке, которая семь лет назад привела к нему Марию. Для чего всё это было нужно? В случайности Патрик не верил, предпочитая воспринимать мир сложным хитросплетением причин и следствий. Уже у двери Мария остановила его и спросила, на какой срок он ее покидает? Он ответил: «Я пока не знаю. Может быть, недели на три. Может быть, полтора месяца. Где-то так. Я тебе позвоню». В самолет он сел в инфантильном предвкушении чуда. Мечтал о белоснежном песке, измолотом ветрами в консистенцию пудры. О пляжных барах, в которых играют регги и подают разбавленный свежим ананасовым соком ром. О девушках с нежной соленой кожей и глубокими, как августовское небо, глазами. О том, как он примерит на свои поникшие плечи чужую радостную беззаботную жизнь.

Однако на острове, на другом конце земли, всё сразу пошло не так. Патрик тяжело привикал к влажной горячей духоте. У него не было денег на действительно хороший отель, а местные «три звезды» напоминали клоповники. Еда казалась ему слишком острой, а пиво – слишком жидким и пресным. Городок, на окраине которого он поселился, не отличался чистотой. К вечеру на обочинах дорог собирались горы мусора. В первую неделю у него украли кошелек, во вторую – черт его дернул купить у уличного торговца жареный пирожок с креветками, после чего он два дня провалялся с температурой тридцать девять, едва находя в себе силы, чтобы иногда отползть в туалет, где его выворачивало наизнанку. Он осунулся, под глазами залегли тени, а неровный сероватый загар создавал впечатление давно немывтого тела.

У местных были своеобразные представления о личном пространстве. Невозможно было расслабленно прогуляться по городку – тебе в лицо что-то кричали, ресторанные зазывалы хватили тебя за рукава и пытались утянуть в утробу своих заведений, пахнущих рыбой, водорослями и прогорклым кукурузным маслом. Проститутки в микроскопических джинсовых шортах, с наклеенными ресничками и воспаленными глазами с красными прожилками, пытались с ним заигрывать. Они появлялись словно из ниоткуда, как лесные эльфы. Гладили его по спине потными крохотными ладошками, висли на шее и нежно шептали в ухо: «Мистер... Всего двадцать долларов!»

Не прошло и двух недель, а Патрик уже начал подумывать о возвращении. В сравнении с этим круглосуточным макабрическим карнавалом его спокойный городок вдруг показался райской обителью. Пусть зима влажной шалью накрывала городские крыши на семь с лишним месяцев; пусть все жители не только знали друг друга по именам, но могли рассказать о каждом всю подноготную, и от этого создавалось неприятное давящее ощущение, что за тобою все время лениво наблюдают чьи-то любопытные глаза; пусть время в городке замерло, и ничего не менялось сотнями лет... Но там было обетованное спокойствие, там была даль, в которую можно упереться взглядом, там был прохладный свежий воздух и стопка любимых книг у потрескивающего в камине огня. Ощущение тверди под ногами.

Патрик с удивлением осознал, что скучает по Марии. Засыпая, вспоминает ее лицо и какие-то полустертые, окутанные туманом, сюжеты из далекого прошлого, в котором они еще не надоели друг другу.

Ему не потребовалось много времени для того, чтобы с некоторым удивлением понять – чувство дома для него важнее развевающегося пиратского флага над головой.

С билетами проблем не было, поэтому он не стал их бронировать. Регистрация на рейс могла стать шансом на спасение – ненадежным, но все-таки. Его имя в списках пассажиров навело бы на след Марию, которая, возможно, рано или поздно спохватилась бы и начала его искать.

В свой последний вечер на острове он сдуру решил погнаться за последним хорошим впечатлением – чтобы от этого жалкого приключения не осталось послевкусия щемящего и раздражительного разочарования.

Патрик надел купленные здесь же белоснежные льняные брюки, светлую льняную рубашку, дорогие кожаные сандалии, зачесал просоленные волосы назад и показался себе похожим на одного из тех сытых, как домашние коты, буржуа, которых он не то презирал за приземлённость, не то завидовал их возможностям. И отправился в один из немногочисленных фешенебельных баров, в которых каждый коктейль шел по цене как минимум трех бутылок хорошего виски. Ему были не по карману подобные места, но почему-то этот выбор показался ему правильным.

Он выбрал уединенный столик на балконе с видом на темнеющий океан, исполосованный белоснежными шрамами высоких волн. Заказал крошечную чашку кофе с местных плантаций, двойной виски со льдом, карпаччо из кальмаров, какие-то салаты. Развернул газету с новостями из жизни чужого города.

Еда оказалась свежайшей и вкусной, и в ней было ровно столько специй, сколько требовалось европейцу, чтобы блюдо показалось ему одновременно экзотическим и улаждающим. Обыкновенно знакомство с местными блюдами скорее напоминало ритуал инициации – зажмуриться, вдохнуть поглубже и, не разжевывая, проглотить, вдохновляясь пульсирующей мыслью: «Ты же мужчина, ты это можешь!»

Постепенно Патрик расслабился и разомлел, на его обветренных губах расцвела блаженная и бессмысленная улыбка Будды. Он с наслаждением подставлял лицо горячему океанскому ветру и даже в какой-то момент поймал себя на мысли, что можно тут задержаться еще на один-два дня. В конце концов, полюса «ада» и «рая» любому месту диктуют не его декорации, а воспринимающее сознание созерцателя.

– Здравствуйте! – вдруг услышал он мужской голос. – Вы не против, если я на несколько минут к вам присоединюсь?

Первой реакцией было раздражение – ну надо же, даже в кабаке для миллионеров не укрыться от фирменной местной навязчивости. Но обернувшись и сфокусировав рассеянный взгляд, обнаружил перед собою рыжеволосого мужчину с такой искренней и теплой улыбкой, которая топила злость, как тропическое солнце выброшенную на пляж медузу.

– Да, пожалуйста, – пожал плечами Патрик, указывая на соседнее кресло.

– Благодарю вас! – Незнакомец сделал знак официанту, и тот принес ему какой-то коктейль цвета венозной крови. Запотевший бокал был украшен свежей магнолией.

Незнакомцу было около пятидесяти лет, и для туриста он держался слишком расслабленно и буднично. Скорее всего, он был из тех романтиков, которые нашли свое счастье в экваториальном бродяжничестве класса люкс. Наверняка где-то на далекой родине у него был бизнес, переданный в руки хороших управляющих, сдавалась недвижимость, возможно, скучала жена и подрастали дети. А он выбрал для себя вечную негу тропиков и блаженное ничегонеделание под куполом беловатого неба. У мужчины была прямая спина, легкий загар, подчеркивающий белизну отполированных хорошим стоматологом зубов, и веселые прозрачные глаза.

– Я заметил, вы тут давно сидите и совсем один. И вчера тоже вас видел на набережной. Вы куда-то шли с таким потеряннным видом, что я вас даже запомнил, хотя обычно почти не обращаю внимание на людей. Вот и решил подойти, – простодушно признался рыжий. – Меня зовут Джон.

– Патрик.

Мужчины осторожно пожали друг другу руки.

– Вы здесь живете, Джон?

– Да, уже третий год, – улыбнулся рыжий. – Я из Австралии. Когда-то приехал сюда подлечить разбитое сердце. А в итоге нашел и новый дом, и новую любовь.

– Это мне знакомо, – немного расслабился Патрик. – Я тоже так хотел. Правда, не получилось. Не принимают меня ваши острова.

– О-о, – удивился рыжий. – Боюсь, вы просто не видели самого главного. На каких пляжах вы уже были?

Для того чтобы назвать хотя бы пять мест, Патрику пришлось ненадолго задуматься. На самом деле он был из тех осторожных путешественников, которые предпочитают корнями вращаться в одно место и выпить его до дна, а не устраивать ежедневный калейдоскоп впечатлений. Все пятнадцать дней своих экваториальных мытарств он топтался по одному и тому же крошечному городку, иногда на такси выезжая в окрестные живописные приморские деревеньки.

– Но как же так, – покачал растрепанной головой Джон, – это просто преступление. Приехать в такую даль и даже не доехать до Акульей скалы и не попасть на Гром-остров.

– Гром-остров? – нахмурился Патрик. – Знаете, а я ведь слышал это название. Есть у меня одна книга, историческая. Купил в антикварном магазине перед тем, как отправиться сюда.

– Книга об острове? – удивился Джон. – Наверное, вы что-то перепутали. Это секретное место. Не может быть никаких книг... Что же в ней написано?

Патрику показалось, что его собеседник волнуется. На безмятежном лбу австралийца выступили бриллиантовые капельки испарины. Хотя может быть, все дело было в удушающей жаре.

– Ничего конкретного, – развел руками Патрик. – Автор книги никогда не был на этом острове, просто пытался его найти. Собирал сплетни и слухи. Я даже не смог дочитать книгу до конца. Не заинтересовался.

Рыжий посмотрел на него так, словно Патрик только что непринужденно признался, что сморкаться он предпочитает в шторм, желательно из алого панбархата.

– Да вы наверняка перепутали, книга написана о каком-то другом месте, – окончательно успокоился Джон. – О Гром-острове мало кто знает. Это священное место, туристов там не бывает.

– А почему остров так называется?

– Из-за вулкана. Местные считают, что на острове под землей живет древняя гневная богиня с десяти головами. Она спит уже миллион лет, потому что ей перестали молиться. Богиня дышит – и из жерла вулкана идет пар. Богиня переворачивается с боку на бок – и остров потряхивает.

– Там тоже есть отели?

– Ну конечно, нет! – Это предположение показалось Джону забавным. – Только непроходимые джунгли, пляжи с черным песком и небольшой палаточный городок, где живут хиппи. Собственно, за небольшую плату у них можно арендовать палатку и переночевать. Ничего красивее, чем это место, я в своей жизни не видел, хотя и объездил весь мир... Послушайте... – Рыжий вдруг посмотрел на него с каким-то странным, будто оценивающим прищуром. – А хотите, отправимся туда завтра на рассвете? Я всё равно собирался, мне пора. Каждые две недели я провожу там ночь.

– Я планировал завтра улететь... – замялся Патрик.

– У вас уже есть билет?

– Нет, но...

– Тогда вы будете полный дурак, если отправитесь домой, не увидев Гром-острова. Это место, где тебе как будто промывают душу. Баня для души.

Патрик задумался, глядя в ту сторону, где тихо шелестел темный океан. У него было неповоротливое инертное сознание, любая спонтанность пугала его, намного комфортнее казалось следовать заранее намеченному плану. Так было с самого детства. Может быть, поэтому незнакомый остров за какие-то жалкие пятнадцать дней так измотал и без того ослабленные

семейной руганью нервы. Он привык к жизни в городке, где ничего не менялось столетиями. Здесь же каждый день на его глазах как будто разворачивался шумный карнавал.

Позже, уже будучи запертым в деревянной клетке, Патрик вспоминал тот вечер и думал: ну как так получилось, что он запросто поверил рыжему, с которым не был знаком и часа? Поверил, что этот улыбчивый австралиец вот так запросто предложил ему дружбу и помощь? Патрик никогда не считал себя человеком приятным и располагающим к дружбе. Он был не из тех баловней судьбы, которые одной не адресованной никому улыбкой могли обеспечить себе новые социальные связи и перспективные пути.

И Гром-остров... Как он, взрослый мужчина, мог поверить в существование места, о котором нет упоминания ни в одном путеводителе! Будучи занудой, Патрик прошерстил весь Интернет перед поездкой – все форумы и личные блоги путешественников. О Гром-острове не писал никто.

Но сознание будто помутилось. Джон умел убеждать – каким вдохновенным было его лицо, когда он рассказывал о Гром-острове!

Патрик вышел в туалет, где, закрывшись в кабинке, набрал номер мобильного телефона жены. Решил для себя, что от ее ответа будет зависеть, где он окажется завтра – в аэропорту или на черном пляже вулканического острова. Мария ответила не сразу, и ее приглушенный далекий голос не показался ему радостным. Такое впечатление, что за эти пятнадцать дней Мария успела вычеркнуть его из жизни и из памяти и была раздосадована его появлением.

– А-а, это ты... Ну как отдыхаешь?

– Да если честно, так себе... – В первую же секунду Патрик пожалел о том, что позволил себе слабость и набрал ее номер. – А ты как?

– Я нормально, – ровно ответила Мария. – Тоже хочу куда-нибудь поехать. У нас ледяные дожди и темнеет в четыре часа.

– Одна? – Тихая, почти незаметная ревность болевой колючкой царапнула ему сердце.

– Какая тебе разница?.. Наверное, с Бриггит. Мы вчера были в туристической фирме. Смотрели варианты по Сицилии.

– Но там сейчас не жарко. – Патрик почти ненавидел себя за то, что продолжает поддерживать навязанный светский разговор вместо того, чтобы спросить о главном – ждет его Мария или нет?

– В любом случае лучше, чем дома... Послушай, а ты зачем позвонил?

– Да я так...

– Соскучился?

По интонации Марии он понял, что на ее потрескавшихся от холода губах распустилась змеиная издевательская улыбка.

– Нет, – слишком быстро ответил он. – Просто подумал о том, что, может быть, мне пора вернуться.

– Ну это тебе решать... Прости, Патрик, я больше не могу с тобой говорить. Опаздываю. Я записана на маникюр. – И Мария отсоединилась.

Прилив черной концентрированной ярости чуть было не заставил Патрика разбить мобильник о мраморные стены уборной. «Сука, – беззвучно прошипел Патрик. – Вот же сука!» Умыв лицо ледяной водой, он сделал несколько глубоких спокойных вдохов – так учил психотерапевт, к которому он начал ходить, когда проблемы с Марией только начались.

Джон ждал его за столиком, успев заказать для обоих кофе.

– Ну что, решился? – подмигнул он.

– А долго ли туда вообще добираться? Как мы поедем?

– Да расслабься, я же тут живу. У меня есть катер. Ты просто отдашь половину денег за топливо, и всё. Ночевка на острове стоит несколько мелких монеток. Ресторанов там нет, но

хиппи с радостью накормят тебя фруктами и рисом... Познакомлю тебя со всеми. И с моей девушкой.

– Девушкой? – улыбнулся Патрик. – Она что, живет там?

– Ну как... девушкой... – смутился австралиец. – На самом деле пока нет. Она мне очень нравится. Ей всего девятнадцать лет. Познакомился, когда две недели назад был на Гром-острове. И забыть не могу... Я даже не знаю, как ее зовут.

– Ну, ты даешь! – восхитился Патрик, которому подобная беспечность казалась и преступной, и недостижимо привлекательной.

– Да, я не знаю ее настоящего имени, – со вздохом кивнул рыжий. – Все называют ее Тау... Мы до рассвета разговаривали на пляже. И даже целовались. Вот мечтаю опять ее встретить. А может быть, и ты свою любовь найдешь. Гром-остров меняет судьбы.

Патрик залпом допил свой виски.

– Знаешь что... А поехали! Пошло всё к черту. Я и правда хочу это увидеть. Хочу побывать на загадочном Гром-острове.

– Это правильное решение, – серьезно похвалил его Джон. – Давай запишу название твоего отеля. Тебе придется рано встать. Заеду за тобой около пяти. Только есть одна просьба...

– Какая?

– Не стоит никому говорить о том, куда мы поедем. Местные тебя просто возненавидят. Они считают, что иностранцы оскорбляют их святыню. А экспаты... Мы не хотим, чтобы командировочные иностранцы узнали про наш рай. Иначе там скоро станет очень тесно.

Все вещи Патрик оставил в отеле. С собою взял только небольшой холщовый рюкзак – запасная футболка и нижнее белье, солнцезащитный крем и спрей от комаров, плавки и маска для сноркинга – плаванья с трубкой под поверхностью воды. Джон заехал за ним на выдавшем виды тарахтящем скутере. Пока они ехали по еще пустой набережной, над гладью океана занимался розовый рассвет. Патрик щурился от ветра и, кажется, впервые за все эти дни почувствовал себя расслабленным и счастливым. У его нового друга была заразительная энергетика устойчивого спокойного блаженства.

Припарковались они у дикого пляжа на окраине, рыжий спрятал скутер в кустах.

– Здесь никто не ворует, – улыбнулся он, перехватив удивленный взгляд Патрика, который знал цену деньгам и не привык относиться к имуществу с такой вопиющей халатностью. – Завтра найдем его тут в целостности и сохранности.

Небольшой моторный катерок, прыгая по волнам, повез их вдаль от тающего за спиной берега. Патрик сидел на полу, вытянув ноги, и с наслаждением подставлял лицо прохладным соленым брызгам. Тогда он еще не мог знать, что это последние часы, когда он чувствует себя уверенным и счастливым. Скоро все изменится. Навсегда. Далекий Сатурн уже завел будильник, подписанный именем «Патрик».

Джон говорил, что Гром-остров находится совсем недалеко, однако они шли по морю почти четыре часа, а вокруг была только водная гладь. В какой-то момент австралиец остановился и заправил бак катера из канистры.

– Долго нам еще? Меня уже мутит. Вестибулярный аппарат плохой, – пожаловался Патрик. – Мне казалось, ты говорил, что до острова два часа пути.

– Да? – без эмоций переспросил рыжий. – Наверное, мы неправильно поняли друг друга. Сиди спокойно, отдыхай. Через час точно будем.

Вообще, стоило им отчалить от берега, рыжий изменился. Куда-то исчезли и располагающая улыбка, и ровная спокойная расслабленность, и кошачья ленность жестов. Патрика это если и насторожило, то не сразу. Все-таки человек в открытом море управляет крошечным катерком, на нем ответственность.

* * *

Давным-давно, в обычном московском дворе, случилась однажды такая история. Умерла пожилая одинокая женщина из квартиры на первом этаже, которую все знали как Тетьфросю.

В те годы соседи еще были внимательны друг к другу – не просто вежливо улыбались, столкнувшись в лифте, но и знали всех по именам, одалживали друг у друга спички, сахар и пять рублей до получки и с удовольствием сплетничали о перипетиях личной жизни всех обитателей подъезда, давших к этому хоть какой-нибудь повод. Поэтому исчезновение Тетьфроси заметили в то же утро, когда она присоединилась к предкам. Вызвали участкового, взломали дверь квартиры, обнаружили ее в собственной постели, вызвали врача, тот констатировал смерть. Мертвая Тетьфрося почему-то была одета в свое лучшее платье, на шее бусики из дешевого речного жемчуга. Словно предчувствовала смерть и подготовилась произвести приятное впечатление на санитаров. При жизни Тетьфрося всегда надевала парадное нижнее белье перед походом в поликлинику, а теперь решила нарядиться перед своим последним выходом в люди.

Впрочем, удивился только врач. Соседи же Тетьфроси, понимающе вздохнув, переглянулись. Ну а что еще от нее можно было ожидать?

Тетьфрося была не так уж проста, как казалась. Конечно, выглядела она обычно – цветастый байковый халат, немного побелевший под мышками и заботливо заштопанный у карманов, уютные войлочные тапочки, на голове ежемесячно взбиваемые парикмахером тугие седые кудельки, сквозь которые просвечивал розовый череп, тяжеловатая походка.

Весь подъезд бегал к Тетьфросе гадать на кофейной гуще.

Она ставила на идеально чистую электрическую плиту старенькую медную турку, все то время, пока кофе закипал, всматривалась в черную жижу, как в бездонный омут, потом подавала очередному просителю изящную чашечку из немецкого фарфора и светски беседовала с гостем, пока тот наслаждался кофейной горечью.

Никакой кухонной философии, обычные пенсионерские разговоры: о том, что кости ломит к дождю и что очередной депутат-выскачка – очевидный козел, по глазам же видно, даже можно листовки его не читать.

Когда кофе в чашечке заканчивался, Тетьфрося одним движением опрокидывала ее на блюдечко с выцветшими павлинами, несколько минут, близоруко сощурившись, смотрела на растекающуюся жижу, а потом начинала выдавать такие подробности из интимной жизни вопрошающего, что у того по спине порой даже пробегал неприятный холодок.

Никто не понимал, как у нее это получается, что это за дар такой странный, и почему она, обладая такими способностями, ютится в убогой однушке вместо того, чтобы устроиться консультантом, да хотя бы к одному из так презираемых ею депутатов. Уж тот бы Тетьфросю озолотил, во дворец перевез, соболя на ее ссутулившиеся под бременем трудной судьбы плечи набросил.

Например, некой Елене Петровне, грузной и печальной бухгалтерше с восьмого этажа, Тетьфрося рассказала, что та вскорости станет чуть ли не графиней и будет жить в замке с прудом и лебедями.

– По утрам на балкон выходить будешь и там кофе пить, угодя свои озирая, – полузакрыв выцветшие от старости глаза, бубнила Тетьфрося. – Балкон у тебя будет с резными перильцами, а у входа в дом бронзовые львы.

Елена Петровна разве что в юности была натурой сентиментальной, поэтому всерьез к предсказаниям не относилась. Хотя слушать было приятно, что уж там. Да и утешительным казался тот факт, что буквально за неделю до того Тетьфрося намекнула энергичной пенсионерке с пятого этажа, любительнице лыжных прогулок, оздоравливающих голоданий и даже

купаний в проруби, что пора бы той навести порядок в бумагах да решить вопрос, кто из детей вскорости наследует ее квадратные метры. Пенсионерка страшно оскорбилась, даже сказала на прощание, что уж точно переживет всяких там, которые хлещут кофе литрами, пока она завтракает кашей на воде и бегаёт от остеохондроза в парке по утрам. Но, видимо, убежать от остеохондроза было проще, чем от судьбы, потому что спустя всего четыре дня пенсионерку насмерть сбил потерявший управление автомобиль – среди бела дня, на пешеходном переходе, на глазах у десятков людей.

А у бухгалтерши Елены Петровны была сложная судьба. Почти пятнадцать лет назад она развелась, и с тех пор не нашлось ни одного желающего, который хотя бы в театр ее пригласил. Взрослые дети были неудачниками, и Елена Петровна пахала как лошадь, чтобы и себя не обидеть, и им денег подбрасывать. Она была болезненной и унылой, носила преимущественно коричневое, развлекала себя поглощением домашней выпечки под вечерние телепередачи, что тоже не добавляло ей красоты и бодрости.

Но в стране грянули перемены, и буквально спустя пару недель после кофепития у соседки Елена Петровна оказалась в нужном месте в нужное время и получила приглашение на работу в иностранную фирму. Там она, быстро сориентировавшись, правильно перераспределила денежные потоки. А лишние деньги, как всем известно, омолаживают и бодрят. И вот уже у снулой Елены Петровны новое красное платье, свежий платиновый блонд от парикмахера-итальянца и лукавый блеск в глазах. А дальнейшее – дело техники небесных шахматистов.

Однажды в их фирму на переговоры приехал австрийский партнер. В то утро лицо Елены Петровны покрывал слой нежнейшей розовой пудры, а могучая грудь была упрятана в супер-пупер бюстгальтер, который делал из нее почти порнозвезду. Они обменялись взглядами поверх скучных бумаг, потом австриец попросил показать ему Красную площадь, деликатно умолчав, что это его примерно пятнадцатый визит в Москву и в центре города он ориентируется даже лучше этой толстушки-бухгалтерши в красном. В общем, всё закрутилось быстро. Для мятежной русской души жизнь на подобных скоростях – практически норма, слишком уж часто на наших землях меняются декорации, слишком уж велик страх, что сейчас придет кто-нибудь и все у тебя отберет, поэтому жить лучше на полную катушку, не экономя ни эмоции, ни деньги, ни возможные сюжеты. А для австрийца это был ход конем – улететь в командировку и вернуться с женой. История умалчивает, был ли он графом, но к древнему аристократическому роду точно принадлежал, и был у него пусть и не замок, но приличных размеров особняк. Нескромный по меркам деревеньки, в которой он жил. Были у входа и скульптуры-львы, и балкончик с резными перилами, на котором Елена Петровна и, правда, полюбила пить горячий кофе по утрам.

После этой истории, развернувшейся на глазах у всех соседей многоэтажки, Тетьфросю заужали еще больше.

Жили в их доме и две девочки-сестры. Старшую звали Ларисой, и ей с самого детства была назначена роль первой красавицы. Смуглая, изящная, волоокая – она еще в нежнейшем возрасте умела взглянуть из-под длинных ресниц так, что взрослые дивились, откуда столько вековой женской мудрости в этом наивном неопытном ребенке. И младшая, Настенька, у которой, казалось, и вовсе никакой судьбы не было, поскольку девица была не от мира сего.

Однажды девочек привели показать Тетьфросе. Мать волновалась за обеих, но по-разному. За старшую волновалась, что та отобьется от рук да в подоле принесет. А за младшую – что та навсегда так и останется в одиночестве.

Тетьфрося сказала, что девочек посмотрит, но каждую лично, и матери при их разговоре присутствовать нельзя.

Первой с Тетьфросей уединилась старшенькая, Лариса. Она уже превратилась в девушку, к суеверию вроде гадания на кофейной гуще относилась весьма скептически, но, чтобы не обижать мать, согласилась. Наедине с гадалкой Лариса провела от силы десять минут, а когда

вышла из кухни, только плечами пожала – ничего особенного ей не сообщили. А вот с Настенькой Тетьфрося сидела долго. Час прошел – тишина за плотно прикрытой кухонной дверью. Два прошло – всё та же тишина. Мать уже волноваться начала. Наконец Настенька выплыла из кухни. Кажется, никогда раньше она не общалась ни с кем из посторонних так долго.

Тетьфрося была скупа на объяснения.

– Захотят девки, сами расскажут. Я чужими секретами ни с кем не делюсь, принцип у меня такой.

Вечером за ужином Лариса охотно рассказала матери обо всем, что произошло с ней за плотно прикрытой дверью Тетьфросиной кухни.

– Просто бред какой-то... – Красиво очерченные губы сложились в презрительную ухмылку. – Мракобесие. Даже не верится, что ты заплатила этой Тетьфросе.

– Что же она сказала тебе? – допытывалась мать.

– Да фигню какую-то. Что буду всю жизнь на месте топтаться. Что есть во мне талант, который я никогда не реализую. Что однажды, кругу на тридцать пятом, на небе решат, что хватит давать мне шанс. И заберут обратно. А я еще буду молода.

– Ужас какой! – заволновалась мать. – Да я этой Тетьфросе...

– Ма, да брось ты! Обычная полоумная бабка.

Младшая сестра молча смотрела в свою тарелку. Странной была Настенька. Ежемесячно ее водили к психиатру, который утверждал, что девочка словно в коконе закрыта, и потребуется огромный труд и время, чтобы вытянуть ее на волю. Интеллект прекрасный, но сознание – словно семь волшебных покрывал. Видит она что-то свое, слышит что-то свое и понимает мир как-то по-своему. Бывало, за целую неделю Настя не произносила ни слова. Конечно, от нее никто и не ждал, что она расскажет о разговоре на соседкиной кухне.

Но она вдруг вскинула тщательно причесанную матерью голову и с некоторой, пожалуй, неприязнью посмотрела на старшую сестру, к которой никогда до того дня особенного интереса вообще не проявляла.

– Она не полоумная, – сказала Настенька. – Она правду говорит.

– Что же тебе сказала?

Каждый раз, когда Настя вступала в осознанный диалог, мать начинала предвкушать чудо: а что, если сложносочиненная стратегия психиатра наконец сработала и дочь станет нормальным ребенком?

Но Настя снова ушла в себя. Да еще и раскачиваться на стуле начала, и повторяла снова и снова:

– Остров Смертушкин... Вот что она мне сказала. Остров Смертушкин... Остров Смертушкин...

* * *

Поставив ногу на мраморную раковину, Лариса медленно, почти с жреческим поклонением к собственному телу втерла в кожу пригоршню тающего кокосового масла. Запотевшее зеркало отражало ее – пеннорожденную, золотящуюся загаром, такую свободную и расслабленную. Белый шелковый халат распахнут, влажные волосы небрежно заколоты на макушке.

Лариса упивалась собственной красотой, хотя в последние годы к радости этого случайно сорванного джекпота прибавилась нарастающая тревога осознания времени. Как будто у обочины дороги, еще каких-то пять лет назад казавшейся ей бесконечной, начали попадаться мрачные продавцы настенных механических часов. Сутулые, бледные, со стертymi лицами, они преграждали Ларисе путь, постукивали костяными пальцами по циферблатам. Лариса старалась на них не смотреть. Но даже просто знать об их существовании было горько.

Ей перевалило слегка за сорок, и она была всё еще хороша собой – по-честному, без унижительных оговорок о следах былой красоты. Эгоизм и гений беспечного порхания омолаживают лучше ножа пластического хирурга.

Зиму Лариса встретила в самоощущении раненой волчицы. Тихий курорт на краю земли должен был стать берлогой, где она собиралась месяц, а то и больше, зализывать раны. Размеренная ленивая текучая жизнь тропиков, соки из неведомых фруктов, тихие массажистки с крошечными сильными пальцами и бескрайний синий океан.

Свое состояние Лариса не драматизировала – и даже наоборот, скорее отрицала. Ведь слезы старят, а разбитые сердца уместны только у тех, чья молодость мешает укрощать гормональные шторма. Лариса и в молодости не была особенно горячей – никаких «в омут с головою». Даже ее страсть всегда была продуманной. Не растворяющее кислотное озеро, а просто часть многоходовки, которую она талантливо разыгрывала с тех пор, когда поняла, как сочетание ее красивых черт и беззаботного характера действует на большинство мужчин.

Она не была глупа и даже обладала природными талантами, которые ленилась развивать и так и оставила в буйном, дикорастущем, не ограниченном состоянии. Ей настолько неплохо удавалось плести многоуровневые кружевные конструкции из слов, что в шестнадцать лет, экстерном окончив последний школьный класс, она без связей и денежных затрат самостоятельно поступила во ВГИК на сценарный факультет. Конечно, не обошлось без семейной кармической истории: ее отец был кинооператором, а мать – актрисой. Не звездой, не дивой, однако несколько раз в день ей приходилось слышать от незнакомых людей: «Мне это кажется или мы где-то встречались?» Но никто из родственников Ларисе не помогал, а ее фамилия пусть и была на слуху в киношном мире, но не обладала достаточной громкостью для того, чтобы стать волшебным «сим-сим», отпирающим заветные двери.

У Ларисы хватило ума на то, чтобы не соваться в актрисы – даже учитывая врожденную потребность блистать. Она слишком хорошо знала о ненадежности этого пути, о змеином серпентарии, по закону которого придется жить, если хочешь вскарабкаться выше, об особенной горечи уходящего времени и о том, как растерянно ты бодрисься, разглядывая свое отражение в зеркале, когда однажды кто-нибудь предлагает тебе сыграть не героиню, а ее мать.

Да, у нее хватило смекалки не лезть в серпентарий. Но не хватило на то, чтобы не забросить учебу, когда на ее жизненном пути встретился первый мужчина, бросивший к ногам Ларисы весь мир. Ей было всего восемнадцать лет. А он – классика жанра. Разменявший шестой десяток, загорелый киношный донжуан с твердым прессом, полным кошельком и крепким браком. Лариса влюбилась. Все говорили: дурочка, он же знаменитый юбочник, пару лет поиграет с тобой и найдет новую студентку. И жену никогда не бросит. У них четверо детей, дом полная чаша, да и вообще – они расписались, когда ты еще даже не родилась.

Лариса только смеялась в ответ. Она находилась в блаженном возрасте наивного неведения, когда хрестоматийное «он не такой» воспринимается сакральной истиной, а не поводом для шутки.

Даже мать Ларисы, обычно отстраненная, не выдержала и совершила жалкую и запоздалую попытку наладить воспитательный процесс.

Ничего не получилось. Любовник заезжал за Ларисой каждый день после лекций и вез в ресторан. А там, над тарелками с бледными фруктами, над сочащимися жиром стейками и креманками со взбитыми сливками, красиво лгал о возможности общего будущего, а она с наслаждением поедала эти калорийные обещания и просила добавки.

Его жена знала о существовании Ларисы и даже не ревновала, что казалось обидным. Она была уверена в стабильности своего мира и повидала много подобных ларис.

Из института ее отчислили. Любовник утешал – ничего страшного, с такими данными она сможет успешно работать в кино и без диплома. К тому же он собирается помогать.

Их роман продлился почти два года, после чего донжуан не удостоил ее даже прощальным ужином – просто однажды позвонил и выдал невнятный монолог, в котором рефреном повторялось: «Прости меня». Потом Лариса узнала, что у него началась интрижка с ее однокурсницей, которая к тому времени уже работала стажером на каком-то сериале и вообще была совершенно не похожа на красивую ветреную Ларису – мальчишеская фигура, взъерошенный ежик иссиня-черных волос, длинный нос, как у Бабы-Яги, севший от частого курения голос и привычка идти по головам. Спустя годы, когда страсти утихли, боль забылась, лицо того самого донжуана почти стерлось из памяти, а сам он умер от инфаркта и был с пафосом похоронен на Ваганьковском кладбище, Лариса иногда встречала ту девушку на киношных тусовках. Но никогда не здоровалась. Не смогла простить наглое воровство.

В институте восстановиться не удалось. Зато Лариса познала блаженство сверкающей сладкой жизни, которую могли подарить ей мужчины. Много их было – кто-то относился к ней как к красивой игрушке, кто-то искренне полюбил, но с каждого Лариса снимала сливки, тут же отворачиваясь, когда серость будней вступала в свои права.

Она не проработала ни одного дня в своей жизни. Но и «разбитое корыто», которое предрекала пессимистичная мать, ей не грозило. Куртизанка – это тоже профессия. У Ларисы были две квартиры, подаренные поклонниками. В той, что поменьше, она жила сама. Ту, что побольше, сдавала.

Пусть ей не удалось взобраться на Олимп (да если она об этом и мечтала, то разве что в наивной юности), зато познала блаженство надежной сытости. Это дорогого стоит. В ее поле зрения были женщины, которые всегда играли только ва-банк. Сегодня они дремали на пледе из соболиных шкурок, завтракали белужьей икрой и отдавали половину зарплаты среднестатистического москвича за то, чтобы манерный стилист припудрил их рассеянные лица. А завтра по дешевке сдавали в ломбард бриллианты, а приятельницам ввали, что на весь сезон отбывают на экзотические острова.

* * *

– Об этом не должны узнать туристы. Это не должно попасть в прессу, – мрачно сообщил мужчина в полицейской форме двум своим помощникам.

Все трое сидели на корточках вокруг еще не остывшего тела, выброшенного волной на песок. Чужой. Белая кожа, к которой еще не успел прилипнуть загар. Махровые водоросли запутались в светлых волосах. Дорогие полосатые плавки, татуировка – скорпион на правом плече.

– Четвертый случай за год, – мрачно заметил полицейский. – Один и тот же почерк. У всех вырваны глаза, все погибли в океане.

– В прошлом году семь смертей, – подхватил один из помощников. – И мы до сих пор не знаем, кто это делает и зачем.

– Это человек, – покачал головой полицейский. – Это дело рук человека.

– Моя мать говорит, в море есть такие твари... – немного посомневавшись и отведя взгляд от пустых глазниц мертвеца, тихо сказал второй помощник. – Она сама не видела, но люди болтают. Будто бы у них глаза человечьи, восемь щупалец и шип на лбу. И передвигаются они быстро, как яхта, и держат сильно, и целятся метко. И всегда попадают своим шипом точно в глаз. И если уж попались они на твоём пути, не спастись никак.

– Но они ведь как-то спаслись, – усмехнулся полицейский.

– Кто?

– Те, кто об этом рассказал... В любом случае, вы должны молчать об этом. Мы все должны об этом молчать.

* * *

Потемневшая от крови огромная корзина, сплетенная из пальмовых листьев, была наполнена парным мясом. Сочные большие куски – внизу, ошметки и конечности – сверху. Из корзины свисала смуглая отрубленная кисть с земляной пылью под отросшими, неровно обгрызенными ногтями, на безымянном пальце тускло поблескивало золотое обручальное кольцо.

Нагнувшись над корзиной, Тау сняла колечко, повертела его перед глазами, зачем-то понюхала и раздраженно швырнула через плечо. Она родилась здесь, на острове, ей был неведом ни зов золота, ни страсть к искусственному приукрашиванию. Красота – это свет, который струится из глаз так ярко, что обжигает тех, кто слишком близко подошел. Красота – это горячая пульсация тела, которое живет в таком единении с лесом, будто было когда-то им и рождено, да так навеки и осталось соединенным с ним невидимой пуповиной. Красота – это оседающая на коже серая соль и маслянистая сладость запутавшихся в волосах магнолий. А бесполезные куски металла, которыми так любили украшать себя появлявшиеся на острове чужаки, – всего лишь раздражающая обуза, от которой стоит как можно быстрее избавиться.

От корзины шел возбуждающий пряный мясной дух, который Тау с наслаждением вдыхала, раздувая ноздри. Этот запах пробуждал в теле древние забытые вибрации, заставлял спину нервно выгибаться, как будто позвоночник вдруг превратился в расправляющего кольца сильного змея. Ей с детства нравился и запах свежей крови, и разлитое в горячем воздухе предвкушение праздника, которому он предшествовал. Сегодня – субботняя ночь. Будет праздник, будут костры, вулкан пробудится, в огромных чугунных котлах сварят густое травянистое зелье, единственный глоток которого открывает двери в иные, незримые миры. До самого рассвета все жители деревни не покинут пляж, они будут одновременно и вместе, и каждый наедине с собою, они станут свидетелями танца богов и рождения чуда. Кто-то будет танцевать под слышимую ему одному музыку, кто-то отстукивать дробный ритм на огромном, обтянутом человеческой кожей бубне, кто-то – кататься по земле, до крови царапая кожу кусочками почерневшей лавы.

Тау родилась на острове девятнадцать лет назад и не знала иной реальности, кроме его черных пляжей, дремлющих вулканов и зеленых буйных лесов. Она любила свой дом и, если бы потребовалось, была готова умереть за эту землю.

Их было всего четверо – тех, кто родился на острове и остался в живых. Остальные относились к ним с особой почтительной нежностью.

Отца Тау никогда не видела, а мать не уважала, хотя и продолжала делить с ней одну хижину. Тау знала, что мать давно мечтает покинуть остров и вернуться к прежней жизни. Мать пыталась рассказывать ей о прошлом. На острове такие разговоры были запрещены, но, будучи ребенком, Тау этого не осознавала. «Это только наш секрет, твой и мой», – шептала мама. А потом начинала рассказывать про города, похожие на человеческие муравейники, про то, как упоительно в первые теплые весенние дни отправиться на бульвар в соседнем квартале, сесть за один из выставленных на скудное солнышко столиков и потягивать холодное белое вино, рассматривая прохожих. Про то, как особенно бежит в городе время – тут, на острове, его как будто совсем не чувствуешь, а там оно ужом выскальзывает из рук, брезгливо отворачивает от тебя тающее лицо, и из-за его вечной нехватки оно воспринимается как драгоценность. Это может показаться диким – скучать по нехватке чего-либо, но если задуматься, то понимаешь – только конечность действия или бытия дает ощущение полноты. И такой упоительно прекрасной, такой полнокровной и мимолетной кажется жизнь в том городе, который мать Тау уже начала забывать. Она рассказывала о диковинных запахах – теплых истертых камнях мостовой, мускусном парфюме встречной красавицы, сливочном горячем аромате шоколада из приоткрытого окна кофейни, ментоловом дыме сигарет. И о странных встречах – в городе

люди существуют словно один сложносочиненный организм, огромная молекула, и каждый твой день соткан из случайных столкновений. Ты можешь годами не замечать давнего знакомого, а потом случайно приметить его, немного постаревшего, за столиком кафе, подойти и начать разговор так, словно вы только вчера расстались.

Эти воспоминания маленькую Тау удивляли, а потом и вовсе начали раздражать. Она так и не смогла уловить в путаной эмоциональной маминой речи, в чем же суть очарования этого города-муравейника? Тау была преданной жрицей соленого дыхания океана, она не знала и не хотела знать иной благодати, кроме прикосновения к загрубевшим пяткам черной горячей земли. Джунгли каждый день открывали для нее сказочные миры, каждый день приносил событие, и Тау искренне не понимала, как можно мечтать о чем-то еще, если тебе повезло познать эти берега.

Водрузив корзинку с парным мясом на голову, Тау пошла привычным маршрутом – по петляющей утоптанной тропинке, к хижине Старухи. День выдался жарким, накрытое пальмовыми листьями мясо сочилось сукровицей, которая пропитала и дно корзинки, и черные спутанные волосы девушки. Она смахнула щекочущую струйку чужой крови, змеящуюся по ее щеке.

Этот запах – цветов магнолии, соленого ветра, разделанной добычи – казался Тау самым прекрасным ароматом на земле. Это был ее мир и ее счастье.

* * *

Двадцатилетняя Яна часто с некоторым вызовом заявляла: «У меня старая душа». Едва ли она имела представление о реинкарнации или внетелесных странствиях духа – скорее пыталась придать себе оттенок соблазнительной байронической хандры. Это нравилось мужчинам в возрасте, за счет которых она привыкла жить.

Такая хорошо отрепетированная скука с металлическим налетом цинизма забавно контрастировала с ее наружностью. Яна была похожа на веселого беспечного щенка пуделя – облако ухоженных белых кудряшек, широко распахнутые аквамариновые глаза, миниатюрный хорошенький нос-кнопка, немного коротковатая верхняя губа, из-за которой рот был всегда чуть приоткрыт, что придавало ее милой мордашке выражение восторженного удивления.

Быстроногая, вёрткая, немного суетливая, всегда готовая засмеяться, без всякой застенчивости предьявляющая миру и свой высокий громкий голос, и вереницу путаных мыслей, которые она проговаривала вслух, ничуть не нуждаясь в одобрении аудитории.

И все же в ее пафосном «у меня старая душа» была доля сермяжной правды.

В ее возрасте иные только начинают пробовать жизнь на вкус, Яна же давно успела устать от круговерти сменяющих друг друга декораций и всё чаще мечтала о том, чтобы на пару месяцев уехать в какую-нибудь глухомань и ни с кем – вообще ни с кем – не общаться. Простоволосой и босой бродить по лугам и лесам и запивать лесную землянику ключевой водой.

Но пока она не могла позволить себе такую паузу – Яна зарабатывала на жизнь эскортом, исчезнуть с горизонта для нее означало бы социальную смерть.

Яна рано поняла, что нет у нее иных талантов, кроме красоты и легкого отношения к жизни. Ничего у нее не было, кроме смуглой шелковистой кожи, длинных ног и радостного щенячьего личика. Взглянув на нее, все начинали машинально улыбаться. Яна излучала радость. А радость в сочетании с красотой была ходовым товаром в Москве, куда она храбро переехала, едва окончив девять классов школы.

У нее не было ни семьи, которая могла бы направить, поддержать и пригреть в минуты слабости и тоски. Ни глубины ума. Ни одаренности. Хотя, как большинство хорошеньких женщин ее склада, она пробовала себя и в танце, и в вокале, и в актерском мастерстве. Может быть,

она не блистала интеллектом, но всё же у Яны хватило ума, чтобы с достоинством принять вердикт знатоков: да, она очаровательна, но на сцене ей делать нечего.

И тогда Яна решила, что отвоюет кусочек места под солнцем, продавая свою красоту.

Красота – товар востребованный, но при бездарном маркетинге быстро теряющий в цене. Несмотря на нежный возраст, Яна подошла к вопросу серьезно. Она появилась в городе с тряпичной сумкой на плече и тремя пяти тысячными купюрами, которые мать трогательно зашила в кармашек на трусах. Яна ухитрилась не вляпаться в скользкую историю, что часто бывает с хорошенькими провинциальными простушками, стекающимися в город, пресыщенный разномастной красотой, не стать жертвой мошенников, не сломаться, не опуститься и не пострадать. Она расторопно сняла на окраине комнату у тихой старушки и зарегистрировалась в шести модельных агентствах, прямо сообщив их менеджерам, что ее целью являются не бесконечные копеечные съемки для каталогов, а постели состоятельных мужчин.

– Только если у вас будет предложение меньше, чем за тысячу долларов, можете даже не трудиться мне звонить, – дерзко предупредила она.

Обладательница дружелюбной мордашки могла себе позволить сколь угодно циничные слова и выходки – это воспринималось скорее эпатажно, а не пошло. Правда, из двух агентств после такого заявления ее выгнали с позором, еще и пожелав напоследок закончить свою московскую сказку в пропахшем потом и дешевым одеколоном борделе на привокзальной площади, зато в четырех оставшихся менеджеры только посмеялись и пообещали подыскать для наглой красотки «вариант».

Так и вышло – спустя всего две недели появился первый клиент. Провинциальный чиновник, который искал постоянную любовницу, молоденькую и чистенькую, которая могла бы быть с ним во время частых московских командировок. Яна ему понравилась.

Чиновник снял для нее ухоженную однушку почти в самом центре, купил приличные платья и дорогую косметику и в целом относился не просто как к куску соблазнительного мяса, но с отцовской нежностью. Водил на театральные премьеры, заставлял читать Чехова и Бунина, смотреть европейское кино, научил пользоваться щипцами для омаров и разбавлять речь терминами из «Словаря иностранных слов».

Теперь пятнадцатилетняя Яна, за всю жизнь и пяти книг не прочитавшая, могла отличить «трансцендентное» от «трансцендентального»; скуку, которая сопровождала их походам в филармонию, называла «сплином». Ну а если кто-то из его друзей (и особенно их жен) пытался поставить ее на место, например, вопросом: «А какое, деточка, у тебя любимое стихотворение Бродского?», Яна со вздохом отвечала: «У меня по части Бродского гносеологическая лакуна». Это выглядело умилительно.

Они были вместе полтора года, и всё это время Яна чувствовала себя его любимой женщиной, а не куклой, за которую заплатили. Хотя она и знала, что где-то в далеком Челябинске у чиновника была законная жена – кстати, тоже молодая и красивая, бывшая модель, которая родила ему троих детей.

Мужчина был с ней честен – сразу предупредил, что меняет любовниц не так часто, как многие люди его статуса, но все-таки примерно раз в год. Пусть девочка к нему не привязывается, эта иллюзия сытого гнездышка – не навсегда.

И однажды Яне была найдена замена – тоже юная, смешливая и не знающая, кто такой Бродский. Яна же снова переключилась в режим выживания, правда, теперь у нее была квартира, оплаченная на полгода вперед, недорогая подержанная иномарка и немного денег на банковском счету.

У Яны появился следующий мужчина, потом еще один, еще и еще. Были те, с кем она встречалась месяцами, были и оплаченные свидания на одну ночь. Всё-таки один бесценный талант у нее открылся – ей прекрасно удавалось абстрагироваться от реальности. Сознание Яны поделило жизнь на две части. В одной она по-деловому общалась с мужчинами и воспри-

нимала это как необходимую работу, к которой подходила со старательной яростью педантки. В другой части она оставляла место своим мечтам. Мечтая, она часто гуляла по городу, по извилистым московским переулкам. Мечтала о сладости будущего – причем на уровне ощущений, не представляя каких-то деталей. Забрела в необычные ресторанчики, где выбирала самый дальний и темный угол, садилась спиной к залу и дегустировала блюда с непроизносимыми названиями. Чем чуднее, тем ей было интереснее. Иногда могла до ночи шататься по улицам, покупать на бульварах мороженое, слушать фальшивый ор и взвизгивание арбатских музыкантов, с рассеянной улыбкой рассматривать выцветшее небо над высокими московскими крышами.

«Работу» на яхте Романа она получила обычным способом – позвонили из модельного агентства и сказали, что некий миллионер желает взять нескольких красавиц в необычный тур. Планируется двухнедельное морское путешествие вокруг тропических островов. Яну всегда вдохновляла дорога, поэтому она с энтузиазмом откликнулась.

На кастинг позвали около сотни девушек – самых разных. Были среди них и примелькавшиеся модели – они держались немного особняком, подчеркивая свой статус. Иллюзорный статус, конечно, ведь на самом деле все собравшиеся рассчитывали на одно и то же – выгодно продать свое тело. Были и «обычные» девушки – молоденькие студентки. Яне не удалось вычислить принцип, по которому их выбирали. Обычно на подобные отборы звали девушек одного типажа.

Это был популярный формат – у многих состоятельных мужчин, привыкших платить эскорту, не было времени знакомиться с каждой претенденткой по отдельности. Поэтому в какой-то день снимался офис в центре или отдельный зал ресторана, и туда приглашали эскортниц. Сначала с девушками беседовали помощники заказчика. Обращали внимание на всё – цвет зубов, аккуратность маникюра, тембр голоса. Некоторых просили показать грудь. Задавали провокационные вопросы. Просили заполнить анкету. Большую часть отсеивали сразу. И только потом появлялся сам миллионер, иногда с друзьями. Обычно поступал конкретный запрос. Например, «мулатка выше метра восьмидесяти и не старше двадцати двух лет». Или «блондинка, похожая на Риз Уизерспун в юности, с которой можно поддержать хотя бы поверхностный разговор о Кастанеде». Или даже «любая, но с размером бюста больше “тройки”, и чтобы никаких пластических операций».

Видимо, в этот раз клиентом был капризный пресыщенный богач, который сам не знал, какую девушку он хочет. Среди собравшихся находилась даже популярная сериальная актриса, которая явно чувствовала себя не в своей тарелке.

Яна совсем не нервничала. Это была ее стихия – произвести первое впечатление. Она знала, что большинство людей находят ее обаятельной. Она умела искриться такой электрической радостью, что ей верили, а некоторые даже считали отчасти блаженной. Яна так привыкла к своей маске, что уже не могла сказать, насколько этот щедро излучаемый поток счастья является ее естественным состоянием.

И в этот раз всё прошло как по маслу. Поначалу – разговор с секретаршей, неулыбчивой дамой лет пятидесяти, в пиджаке в стиле «Шанель» и с глазами волкодава. Потом – короткое знакомство с владельцем яхты.

Роман ей понравился. Довольно молодой – чуть за сорок. Растрепанные русые волосы, мятая белая рубашка, загар пятнами, пластика старого кота, размеренная речь. Немного скучный и «потухший», но это куда лучше, чем какой-нибудь кокаиновый весельчак, который сначала, брызгая слюной, перескажет тебе восемнадцать последних выпусков «Комеди клуб», а потом потушит о твой живот сигарету, потому что какой-то дебил ему сказал, что все современные девушки любят БДСМ. Да, такие персонажи тоже попадались, Яна относилась к этому философски, без излишних эмоций. Как к издержкам профессии.

Роман попросил ее представить идеальный день будущего путешествия.

Яна думала всего пару секунд.

– Я сижу на палубе и просто смотрю вдаль. А там – ничего, – рассмеялась она. – Вообще ничего. Как будто я на самом краю света.

На следующий день ей позвонила секретарша, продиктовала адрес и попросила привезти загранпаспорт и фотографии для визы.

А еще через неделю Яна поднималась по трапу авиалайнера и спустя восемнадцать часов, совершив три пересадки, оказалась в райском тропическом городке.

Для путешествия выбрали всего двух девушек. Это тоже было необычно. Как правило, в такие поездки приглашали не меньше десяти моделей. У кого-то месячные, у кого-то – морская болезнь, кто-то оказался скучной занудой, а кто-то расслабился, выпустил из глубин расчётливую стерву и начал выпрашивать кольцо с двухкратником. А с яхты никуда не денешься – лучше, когда есть выбор. Но, видимо, Роман был уверен в своем чутье на людей.

Как выяснилось впоследствии – зря.

Вторую девушку звали Катерина. Ей было тридцать с небольшим, и она была просто полная противоположность Яны. Холодная и совершенная – ее можно было принять за аристократку из богатого старинного рода. Она излучала сытость и власть. Блестящие каштановые волосы убраны в старомодный пучок. В ушах внушительные голубые бриллианты. Тонкие перламутровые губы всегда сложены в вежливую полуулыбку. Впрочем, это была светская вежливость того очаровательного сорта, которым ее редкие обладатели сообщают окружающим: «А не пойти ли вам в жопу, господа?» Кожа белее африканского полуденного неба. Простые дорогие платья, идеальный маникюр, тихий уверенный голос. И вечная злость на мир. Эта подавляемая ярость голодной акулой смотрела из ее холодных синих глаз. Пожалуй, в этом даже была какая-то извращенная сексуальность. Во всяком случае, Катерина была популярной эскорт-девушкой. Она даже иногда появлялась на страницах глянцевого журнала, где ее называли «светской львицей».

Девушек поселили в одну каюту. Они не понравились друг другу с первого взгляда. Однако обе были слишком опытными куртизанками для формата дешевых кошачьих драк и предпочитали ледяной игнор выяснению отношений.

В первый день Яна пыталась подружиться с «коллегой». Но на любой ее вопрос та отвечала презрительным молчанием.

– Почему ты такая злоющая? – Яна однажды все-таки позволила себе прямой бестактный вопрос.

– А почему ты такая тупая? – приподняла идеально выщипанную светло-бежевую бровь Катерина.

Кажется, это был их самый длинный и самый осмысленный диалог за всё путешествие.

Роман явно предпочитал Катерину. Похоже, он видел в ней равную. Яна же была для него забавной неведомой зверушкой, милым интерьерным украшением. Как-то само собою получилось, что на Яну легла вся нехитрая «домашняя работа». Вымыть посуду, смешать коктейли и отнести их на палубу, нарезать фрукты к обеду. Питались они преимущественно жареной рыбой, которую Роман ловил каждое утро.

Это Яну вполне устраивало. Она вообще была настолько открыта миру, что согласилась бы на любую роль, кроме той, что сулила скуку и любой сорт постоянства. Яна всю жизнь бежала от постоянства – ей претила и идея семьи, и мысль о том, что ее жизнь могла бы сложиться как-то иначе, как у большинства горожанок среднего класса. Бесконечный день сурка. Утренняя пробежка, восемь часов в офисе, сериал за ужином, увлажняющая маска, постель. Зима, весна, лето, осень, средний возраст, старость, смерть...

По вечерам Роман ненадолго уединялся с Катериной в каюте. Яна была предоставлена самой себе. Всё было именно так, как она мечтала во время кастинга. Она сидела на палубе

и смотрела на линию горизонта. Океан, гладкая зеленая волна с кокетливой челкой мутной пены, тяжелые тропические облака. Всё это даже было похоже на счастье – такое, каким она его представляла.

Однажды Роман пригласил в каюту и Яну. Она безропотно согласилась. Всё прошло быстро и буднично.

– Сними купальник, – попросил он. А потом похвалил: – У тебя очень красивое тело. Но надо меньше загорать. Напомни, завтра я дам тебе крем для сёрферов.

Любовник он был никакой – торопливый и довольно эгоистичный. Яна просто плыла по течению – интуитивно чувствовала, что не стоит пытаться его расшевелить. Даже теперь, когда его вспотевшее тело вдавливало ее в круглую, пропитанную влагой кровать, он казался таким далеким. Дальше, чем линия горизонта.

В тот вечер между ней и Катериной вспыхнула откровенная вражда. Это было поразительно, но ледяная Катя, похоже, приревновала. А до того вечера казалось, что она вообще не способна испытывать какие-то чувства за исключением мимолетной бледной радости при получении очередного дорогого подарка.

Она и до того общалась с Яной сквозь зубы, а теперь и вовсе перестала замечать соседку.

– Ну ты что... Ты же понимаешь, что это моя работа. – Яна попробовала наладить отношения, все-таки им предстояло провести вместе еще больше недели. – Это наша профессия. Она исключает ревность.

Но Катерина только фыркнула, подлила в бокал розового брютта и отвернулась. Ее загоревшая спина окаменела. Яне было даже жаль эту женщину, намного старше ее, которая столько лет работала в этом жестоком бизнесе, но так и не научилась самым азам. Подавлять эмоции – это самое важное качество для эскортницы.

Поразительным было и то, что Катерина позволила себе выражать недовольство и Роману. Она настолько вошла в роль, что действительно почувствовала себя его девушкой; как будто за пребывание на яхте ей не заплатили внушительную сумму. У Катерины была тяжелая давящая энергетика, и ее дурное настроение передавалось всем окружающим. Все ей было не так – от недожаренной рыбы болел живот, на тропические фрукты открылась аллергия, соленый воздух плохо действовал на кожу, в замкнутом пространстве яхты она сходила с ума от скуки. Роман больше не приглашал ее в свою каюту. Впрочем, не звал он и Яну.

«Из-за этой суки пожалуется и моему агенту», – с досадой думала Яна. Но что она могла изменить?

А в один прекрасный день Катерина и вовсе сошла с ума.

Это произошло, когда они жили на яхте уже неделю.

В ту ночь Яна увидела неприятный сон, что случалось с ней редко. Вязкий и душный сон, из которого она долго не могла вынырнуть, который словно вцепился в ее сознание горячими щупальцами.

Яне снилось, что ее едят заживо. Странное существо с водянистым пухлым ртом, в зловонной мякоти которого прятались острые крошечные зубки, удерживало ее не то огромными ледяными лапами, не то путами из тропических лиан. Она чувствовала запах – тошнотворную сладость подгнившего мяса. Так пахло нутро пленившего ее существа. Чувствовала грубые прикосновения – с ней обращались так бесцеремонно, словно она была дичью, подстреленной и поданной к столу. Чувствовала боль – сотни крошечных зубов впивались в ее тело, отрывая куски плоти. Чувствовала, как горячая кровь течет по ногам. Во сне ей даже удалось посмотреть вниз – она увидела, что ее ноги обглоданы, влажные лоскуты мяса висят на костях. Яна отбивалась и кричала – долго, пока не ослабела. Она чувствовала смертельный страх. И тот особенный сорт безразличия, который, говорят, предшествует смерти.

Наконец ее спасла Катерина – плеснула стакан ледяной воды ей в лицо, и Яна подскочила на узенькой кровати как ошпаренная кошка.

– Ненормальная, – процедила Катерина. – Половина седьмого утра. Я вчера до трех ночи ублажала нашего, пока ты звездами любовалась.

– Мне кошмар приснился... – пересохшими губами прошептала Яна, которая впервые за это путешествие обрадовалась вечно недовольному лицу соседки. – Спасибо тебе. Чувствую себя так, словно ты мне жизнь спасла. Хотя это и просто сон. Только... какой-то странный.

Яна залпом осушила бутылку минералки и посмотрела в иллюминатор – над спокойной гладью океана занимался молочный рассвет.

Катерина зевнула. Ее надменное лицо блестело от крема, темные волосы спутались, а под глазами залегли коричневые круги. Бессонные ночи, исполненные шампанского и притворства, трудно даются, когда тебе за тридцать.

– Всё надоело, – процедила она. – Этот грёбаный океан, этот грёбаный Роман, эта грёбаная яхта.

Яна была рада поддержать разговор, засыпать после увиденного она боялась.

– Слушай, а зачем ты вообще пошла в эскорт с твоей брезгливостью и нелюбовью к людям?

– В смысле? – Катерина едва удостоила ее ответом, скользнув по ней взглядом. – Как и ты, из-за денег.

– Деньги я, конечно, тоже люблю, но мне и работа нравится. Как будто я примеряю на себя чужие жизни. По сути, мы проживаем с нашими любовниками самые лучшие месяцы. А когда становится скучно, нам перестают платить, и мы находим следующего. Нам – только радость первых свиданий. Узнавание. Самый сладкий секс.

– Их лучшие месяцы, – с ухмылкой поправила Катерина. – Меня-то тошнит от них почти всегда.

– Даже от тех, кто симпатичный? Вот этот Роман – он же очень даже ничего. Может быть, в какой-нибудь другой жизни я бы с ним...

– И не мечтай, – с неприятным хохотком изрекла Катерина. – Ты слишком много о себе воображаешь. Обычная пустышка, через десять лет никому не будешь нужна.

– А ты меня как раз на десять лет старше, – не удержалась обычно миролюбивая Яна. – Или на двенадцать?.. Ладно, расслабься, это я так. Тебе, Катя, надо что-то с настроением делать. Нельзя так жить.

– Да что ты знаешь о моей жизни?! – взвилась Катерина. – Наглая сопля решила, что может меня поучать?!

Она даже подскочила с кровати и начала мерять нервными шагами крошечное пространство каюты. Без косметики, с перекошенным яростью лицом Катерина больше не казалась красивой. Усталая тетка, которая боится ожидающей ее пустоты, боится времени, боится, что в ближайшие годы ей придется жить на деньги от проданных побрякушек, а потом и вовсе вернуться в далекий приамурский городок, который она даже в юности считала тюрьмой.

– Да что на тебя нашло? – даже удивилась Яна. – Ну прости меня, если я сказала что не то... Но ты и вчера весь день нервная была. И вообще... Тебе надо как-то собраться. Ты понимаешь, что он скажет нашим агентам? Мы можем вообще эту работу потерять!

– Вот и славно, – угрюмо откликнулась Катерина. – Меня всё достало. И работа – в первую очередь. И Роман. И ты.

– Нам еще несколько дней здесь томиться. Сделай над собой усилие, ты же получила аванс...

– А знаешь что? Я не собираюсь тут торчать, вот. Сваливаю прямо сейчас.

– Дура, что ли? – не выдержала Яна. – Куда ты свалишь? Мы в океане.

Но Катерина была настроена решительно. Ее шелковые пижамные штаны полетели на пол. Она натянула темный спортивный купальник, схватила со стола пакет, небрежно вытряхнула на стол лежавшие в нем фрукты. Оранжевые мячики спелых апельсинов покатались по полу. Катерина открыла сейф, швырнула в пакет паспорт, пачку долларов.

– Что ты делаешь, сумасшедшая? – Яна заворуженно наблюдала за этой истерикой, не зная, как поступить. Разбудить Романа? Мало ему неприятностей от нашей парочки...

– А что такого? До берега рукой подать, пара километров. Я легко доплыву.

– Идиотка, ты хоть знаешь, что это за берег? Это дикий остров. Там нет жилья. Сейчас раннее утро. Что ты там делать-то будешь, в купальнике? Подожди пару часов. Попросишь Романа куда-нибудь причалить – и вали.

– Да пошла ты!

Катерина стояла на своем твердо. Она вышла на палубу, немного постояла, вглядываясь в темные очертания береговой линии. А потом ловко, головой вниз, как профессиональная пловчиха, прыгнула с бортика и быстро поплыла к берегу. Она даже ни разу не обернулась.

Яна беспомощно заметалась по палубе, не зная, как поступить. Но громкий всплеск разбудил Романа, и тот, недовольный, выбрался из своей каюты.

– Что тут у вас опять?

– Вот... – Яна, чуть не плача, махнула рукой в сторону удаляющейся соседки. – Наверное, надо ее догнать.

– Что, вот так взяла и свалила? Вплавь? Бросила свои вещи? – Роман окончательно проснулся.

– Вот так... – развела руками Яна. – Ну, ты сам видел, как она вела себя в последние дни.

– Да уж... Ладно, хоть один честный поступок. Положа руку на сердце, мне эта Катерина понравилась. Красивая баба, не поспоришь. Но столько фальши.

– Так ты не собираешься...

– Ловить ее? Еще чего. Она взрослый человек, это ее выбор.

– А если с ней что-нибудь случится?

– Да что с ней будет! – Роман притянул к себе Яну, которую била нервная дрожь. – Расслабься. Такие пираньи обычно самые живучие.

– Думаешь, она без проблем доплывет? Она взяла паспорт и пачку денег...

– Ну, тем более. Вода теплая, акул нет, берег реально близко. Я знаю этот остров, там есть городок с туристическим центром. Кажется. Ничего с ней не будет. Максимум простудится. Ну и поделом... Давай дуй в свою каюту. Еще рано, я хочу спать.

Москва, 2011 год

Месяц назад в жизни двадцатипятилетней Юлии началась череда неудач. Фортуна брезгливо отвернулась от нее, привыкшей к статусу любимицы судьбы. Как будто бы она перешагнула невидимую черту, разделившую ее жизнь на две части – в одной она легкомысленно порхала, легко собирая все возможные трофеи, а в другой – пыталась сохранить остатки надежды на лучшее.

Сначала она потеряла работу. Потом как-то незаметно, купюра за купюрой, истаяло то, что поколение ее родителей называло «на черный день», а современная молодежь «финансовой подушкой». Юлия привыкла тратить бездумно, с размахом римского гедониста, прожигать всё то, что попадало к ней в руки. Жить так, словно завтра не наступит. Теперь ее новой работой было ходить по многочисленным собеседованиям, с каждым днем осознавая, что ее резюме вовсе не является волшебным «сим-симом» в этом потрепанном экономическом кризисом городе, и выслушивая ленивое: «Мы подумаем и вам перезвоним», что на жаргоне хедхантеров означало: «Мы люди вежливые, но не пойти ли вам в задницу?»

Время шло, паника нарастала. Дальше – хуже. Посадили отца ее жениха, Юрия, и тот в считанные дни из статуса «золотая молодежь» скатился до положения «а кто ты вообще такой без своего папаши?». Такие метаморфозы негативным образом сказались на характере Юры. Расслабленная белозубая улыбка, по которой один баловень судьбы опознает другого, исчезла, уступив место выражению тревоги и нарастающей тоски. Юля начала с ним встречаться совсем девчонкой, ей не было и двадцати. Увлеченная внешней мишурой, падкая на лесть, а все окружающие называли их «золотая пара Юля-Юра», она не обратила внимания на то, что в ее избраннике нет ни внутреннего стержня, ни навыка переживать трудности. Юрий растерялся, как мальчишка, отцепившийся от родительской руки и потерявшийся в толпе супермаркета. Раньше он талантливо играл супермена, способного взмахом руки расстелить перед ней скатерть-самобранку, на которой будет весь мир, а теперь превратился в невротика с суицидальными мыслями. Выглядел он довольно жалко.

А потом скончался Юрин дед. Это было ожидаемо – дед несколько лет почти не выходил из дома, был похож на состарившегося голубя, кожа на лице просвечивала и напоминала пергамент старинных книг, рот превратился в серую щель, от белого пуха волос пахло лекарствами и библиотечной пылью. Смерть уже расправила над ним свои кожаные перепончатые крылышки, он уже давно принадлежал иному миру. Но почему-то его кончина стала для внука ударом. И ведь Юра даже не был особенно близок со стариком, но оказалось, что будто вместе с дедовым телом в гроб положили и часть Юриной жизненной силы. Внутренний огонек. Гроб с покойным дедом упокоился под толщей земли на Ваганьковском, а у Юры исчезла способность радоваться жизни.

Юрий позвонил Юлии и пригласил ее зайти вместе с ним в квартиру покойного деда. Юлия согласилась, и через полтора часа они с некоторым трепетом вошли в обитель старика. Юрий по-хозяйски прошелся по комнатам и дернул ручку двери кабинета деда. Дверь оказалась закрытой. Юрий машинально дернул еще раз, но результат был тот же.

Юлия присмотрелась к двери и поинтересовалась:

– Слушай, а почему в двери четыре замка?

– Думаю, в последние годы дед был слегка не в себе, – тускло ответил Юра. – Кристальная клиническая картина. Ему мерещились шпионы, он почти перестал бывать на улице. Всё время сидел в своем кабинете. Дома носил темные очки и чуть ли не костюм химзащиты.

– Грустно это... Грустно, что никто не застрахован. Вот говорят же, что если постоянно напрягать мозги, то старческая деменция тебя минует. Выходит, врут.

– Врут, – не глядя на нее, согласился Юрий. – Деду было всего семьдесят три года. Он был вегетарианцем, занимался гимнастикой, не курил и до семидесяти лет выступал с лекциями. Последнюю книгу закончил в прошлом году. Правда, в издательстве ее отвергли, сказали, что бред... Я курить хочу.

– Не стоит!

Юля старалась его поддержать, говорила ласково, но с каждой минутой Юрий, которому еще неделю назад она была готова вверить свою жизнь, за которым была готова без оглядки пойти на край света, принять любую аскезу, становился ей все более противен. Ее пугали эти чувства. Выходит, она не настолько глубока, чтобы быть с кем-то «и в горе, и в радости».

Но ведь горе можно встретить по-разному. Юра вел себя как слабак. В Юлиной системе координат это был страшнейший из грехов. Даже глупость в иных ситуациях прощительна, даже подлость. Но не слабость. Слабаков она в душе всегда относила к касте неприкасаемых и брезгливо их сторонилась.

И второй страшный грех – лицемерие. Гнилостный привкус лицемерия ощущался в Юрином горе. Он не был так уж близок с дедом – особенно в последние годы. Да, он рассказывал, что когда-то в детстве именно дед вложил в него все то самое важное, что помогло Юре стать

тем, кем он стал. Дед не ленился вести с ним многочасовые разговоры, заставлял его думать, учил искусству дискуссии и стратегии страстного спора. Но детство давно осталось позади. В последнее время Юра видел деда от силы дважды в год – на новогодние праздники да на очередной дедов день рождения. Никогда лишний раз не звонил. А когда звонил сам дед, Юра часто морщился и раздраженно пытался поскорее закончить разговор. Дед начал казаться ему занудой. Былая привязанность стала досадной необходимостью.

Но вот дед умер – и Юра места себе не находил. Как будто с самым важным человеком простился. Так часто бывает. Люди чуть ли не обожествляют мертвецов.

– Что ж, давай откроем дверь и узнаем наверняка, что он там прятал, – предложила Юля. – Ключи у тебя есть?

– Ключи я нашел случайно, они были зашиты в его матрас. – Казалось, что даже Юрин голос стал тоньше и выше, будто горе откатило его назад по временной шкале и он снова стал беспомощным юнцом, мечтающим, что мать вытрет его соплю подолом юбки.

– Если ты не хочешь, давай я!

– Дед столько раз предупреждал, чтобы я этого не делал. За три дня до смерти он позвонил мне и сказал, чтобы я разыскал его коллегу из Новосибирска. Он сам не смог дозвониться – не общались много лет. Дед хотел, чтобы я полетел туда. Мол, только этот коллега может войти в кабинет. Знаешь, что он еще нес?

– Ну что?

– Он говорил: «Иначе погибнет весь мир! Иначе всё начнет рушиться!»

– Я этого боюсь больше всего на свете.

– Что мир начнет рушиться?

– Нет, старческой деменции. Давай сюда ключи!

Юля буквально вырвала у него из рук увесистую связку и, не обращая внимания на вялое Юрино сопротивление, на беспомощное сопение за спиной, на жалкие потуги остановить ее порыв («А может, не надо?.. Юль, может, слетаем в Новосибирск на выходные?.. Ну, мне как-то перед дедом неудобно...»), провернула первый ключ в туго поддавшемся замке. Потом открыла остальные три замка.

В кабинете Юрино деда было темно и очень пыльно. Войдя в это душное пространство, Юля несколько раз чихнула. В комнате стоял очень неприятный запах, как будто остатки недожаренного мяса забыли в мусорном ведре. Юля поморщилась и ощутила подступившую тошноту. Ее даже качнуло, но стоявший за спиной Юра вовремя поймал.

– Я же говорил! – почему-то шепотом сказал он. – Не надо было...

– А что такого особенного? Ну, харчился дед в кабинете, ну, тарелку забыл убрать...

Слабость Юры как будто делала ее самой сильнее. Как будто на его нерешительность можно было опереться для того, чтобы вырастить своего внутреннего воина.

– Да никогда дед тут не ел, это невозможно, – поморщился Юра. – Он к этой комнате почти как к храму относился. А в храме не едят.

– Ну да, в нем только причащаются, – с издевательской улыбкой парировала она. – Ладно, сейчас всё раз узнаем.

Юля щелкнула выключателем. И даже не поняла, почему Юра отскочил назад, выдохнув:

– Ну, ничего себе! Это просто невозможно! Как?

Она ничего особенного в кабинете не увидела. Разве что удивилась общей атмосфере необжитого пространства – ничего в интерьере не намекало на то, что здесь много лет днями и ночами трудился человек.

Пустой рабочий стол, старомодная зеленая лампа – такие любили советские партийные шишки. Единственный цветок на подоконнике – красивый, алый. Юля никогда таких не видела. Цветок рос в простом глиняном горшке. На книжных полках русская классика рядами.

Дешевенький старый ковер, толстый слой пыли, серой вуалью осевшей на мебели. Ничего особенного и уж тем более страшного.

Но Юра явно так не думал.

– А где же... Где же все дедовы вещи? Сюда ведь никто не заходил после его смерти.

– Какие вещи? Сокровища?

– Нет, я серьезно... Его книги, бумаги! Весь стол всегда был завален бумагами. Дед едва находил уголок, чтобы притулиться с очередным листком. Он очень много работал. Где это всё?

– Ну, уборку генеральную сделал человек, – пожала плечами Юля. – Может быть, смерть почувствовал. Захотелось ему чистоты напоследок. Ты лучше смотри, какой цветок! Это просто бомба.

Она подошла к окну. И вдруг с удивлением поняла, что мерзкий гниlostный запах исходит именно от цветка. Это был самый прекрасный цветок из всех, что ей приходилось когда-либо видеть, но почему-то он источал густой аромат разложения и гниения.

– Мясным бульоном тебя поливали, что ли? – почти ласково обратилась она к растению, которое в тот момент казалось ей более достойным собеседником, чем на глазах слетевший с ума жених. – Какие у тебя лепесточки! Откуда же ты здесь? Надо тебя забрать. А то кто будет тебя поить, кто любоваться будет?

– Такое впечатление, что дед нарочно уничтожил всё. Он же не пускал сюда никого в последние дни. Каждый день рвал бумаги... – тем временем бубнил Юра. – Но зачем... Это же была его жизнь. Он все время твердил, что занимается чем-то важным, что хочет оставить след в науке, что его работа станет основой новейших открытий... И вот куда-то деть. Зачем?..

Юля слушала его вяло. Затаив дыхание, она любовалась прекрасным цветком. Ее обоняние уже привыкло к гниlostному запаху, исходящему от его нежных мясистых лепестков. Она протянула руку, чтобы погладить цветочек, и вдруг ей показалось, что растение шевельнулось, будто от порыва ветра, потянулось к ней. словно это был истосковавшийся по ласке кот, а не комнатный цветок. Но все окна в квартире были плотно закрыты. Как замороженная, Юля погладила лепесток и даже не услышала, как Юра за ее спиной, чуть повысив голос, сказал, чтобы она ничего не трогала, ведь в кабинете деда все предметы были неприкасаемыми, нельзя было даже к дубовой поверхности массивного стола прикоснуться, не спросив разрешения. Юра это с детства усвоил.

Юля не слушала. И вдруг на ее глазах произошло нечто действительно необычное. Алый цветок как будто ожил, зашевелились толстые лепестки с прожилками бордового сока. Цветок вдруг стал похож на похотливо приоткрытый рот, приготовившийся ответить на откровенный поцелуй. Лепестки мягко и уверенно обхватили ее палец, который Юля от изумления даже не отдернула, и она ощутила болезненный укол и почувствовала, как по руке побежала горячая струйка крови.

– Он... Он меня укусил! – вскрикнула она.

В самой сердцевине распахнувшегося бутона блеснуло жало – как будто металлическое, толстое, острое, алчущее крови.

Они ушли, оставив мерзкий цветок на окне, и закрыли дверь в кабинет на четыре замка.

* * *

Катерина никогда в жизни не позволяла себе смелых поступков. Главным качеством ее характера была осторожность. С самого детства. Родители не могли на нее нарадоваться – чудесный, спокойный, послушный ребенок, который, даже прежде чем наступить в обычную лужу, сначала долго и задумчиво трогает ее мыском сапога. Педантичная аккуратистка, отличница – без особенных талантов, но с упорством, которое берет города намного чаще, чем боже-

ственная искра. Даже в возрасте подростковых гормональных бурь с ней не было никаких проблем. Она никогда не разговаривала с незнакомыми людьми, возвращалась домой не позже девяти вечера, избегала сомнительных приключений даже самого невинного характера – вроде байдарочных походов или прыжков на веревке с моста, которые тогда, в конце девяностых, вошли в моду. Никакой безбашенности, никакого ветра в голове – только холодный расчет.

И сейчас, быстро приближаясь к берегу, оставив за спиной ненавистную яхту и высоко держа над головой полиэтиленовую пляжную сумку с деньгами и документами, Катерина чувствовала такую опьяняющую свободу, что это было похоже даже на счастье. Она совершила очень, очень глупый поступок. Ее летний гардероб стоимостью в несколько десятков тысяч долларов, роскошный итальянский чемодан, даже миниатюрный ноутбук остались на яхте. Зато впервые в жизни Катерина послушала зов сердца. Всегда жила «от головы» и вдруг, разменяв третий десяток, вот так по-идиотски и безрассудно послушала сердце. Разумеется, она понимала, что Роман сообщит обо всем в агентство, по Москве поползет слухок, и хорошей работы в эскорте ей больше не видать. Слишком велика конкуренция – из агентств выгоняют и за меньшие проступки. Речь идет о больших деньгах, и никому не хочется связываться с ненадежными девицами.

«Ну и что! Ну и пускай! Больше никогда не буду этим заниматься, – весело думала Катерина, загребая податливую теплую воду единственной свободной рукой. – Куплю билет на ближайший рейс, вернусь в Москву и напишу книгу. Или сценарий. Мне есть что рассказать людям!»

Она отлично плавала и чувствовала себя в полной безопасности. Берег был уже так близко, что она могла разглядеть и старую рыбацкую лодку с пробоиной на дне, которая кверху брюхом валялась на пустом пляже, навсегда покинутая хозяевами, и стайку тощих бродячих собак, медленно бредущих вдоль линии прибоя в поисках рыбы, выброшенной на песок.

Вдруг девушка почувствовала, как кто-то мягко погладил ее ногу под водой. Осторожное осознанное прикосновение живого существа. Но даже это ее не напугало – океан кишмя кишел живностью, и почти все создания, которые могли проявить к ней любопытство, были для человека безопасны. Во всяком случае, так сказал ей Роман в их первый день на яхте. «Можешь смело прыгать с бортика, когда захочешь, хоть ночью. Здесь нет ни акул, ни скатов, ни даже морских змей».

Катерина себя успокаивала. Однако ее невидимый подводный спутник не отставал. Теперь его прикосновения стали более настойчивыми, как домогательства уличного пристава. Она раздраженно дернула ногой и остановилась, пытаясь разглядеть назойливую рыбину в мутноватой волнующейся воде. И ей даже удалось заметить сероватую тень, проскользнувшую прямо под ней. Эта тень была довольно велика, а Катерина относилась к поколению, с замиранием сердца смотревшему фильм «Челюсти», поэтому инстинкт самосохранения заставил ее сердце заколотиться, а пальцы, сжимавшие пакет, разжаться. В конце концов, плевать на деньги и документы. Главное – добраться до берега. Она что-нибудь придумает. Заявит в полицию, те найдут Романа. Он вернет чемодан и оплатит билет до Москвы.

По всей видимости, какая-то часть ее существа уже в тот момент знала о надвигающейся неизбежности. Знала, что из воды ей не выбраться, обратный отсчет времени уже запущен и никто не услышит ее сдавленных криков. Но человеку ее характера было трудно просто ожидать кончину, поэтому Катерина отчаянно боролась. Она яростно гребла к берегу, однако чьи-то сильные руки, сжимая ее щиколотку, тянули вниз. Уйдя под воду с головой, она открыла глаза и успела разглядеть существо, которое ее настигло. Это была не акула, как она предположила в начале, и не осьминог, несмотря на то, что из рыхлого, как обточенный ветрами камень, тела существа произрастали кривоватые цепкие щупальца. У существа был единственный глаз, огромный, лунного желтоватого цвета. Они смотрели друг на друга под водой – всего одно мгновение, которое показалось ей вечностью. После чего существо резко вскинуло щупальцу,

увенчанную темным длинным шипом. Четкий прицеленный удар был направлен в лицо женщины, и в следующую секунду она с беззвучным криком схватилась за правый глаз, проткнутой шипом. Катерине повезло – она почти сразу потеряла сознание от болевого шока, не успев ни осознать собственный страх, ни провести последние минуты жизни ослепленной, пытающейся вдохнуть, но вбирающей в напряженно раздувающиеся легкие только зеленую воду равнодушного океана.

* * *

На веранде ресторана, который Лариса и Настя выбрали для ужина, было многолюдно. Праздные туристы излучали счастье дозволенной лени. На женщинах яркие легкие шелка и бусы из ракушек. Растрепанные соленым ветром кудри. У мужчин докрасна сгоревшие носы и разноцветные попугаи на гавайских рубашках. Все пьют коктейли из огромных запотевших бокалов, смеются, оживленно болтают и верят в то, что это хрупкое состояние всерастворяющей легкости теперь с ними навсегда.

– Мне здесь не нравится. – Настенька поежилась так, словно к ее коже не прилипал влажным одеялом раскаленный воздух.

– Тебе нигде не нравится, – терпеливо вздохнула Лариса. – В Париже тебя пугали толпы. Бангкок был для тебя слишком вонючим и шумным. Ты везде найдешь к чему придраться.

– Здесь мне не нравится по-другому. Здесь пахнет смертью. Очень много смерти. Слишком. – Настя смотрела не на сестру, а на океан, на стертую вечерней темнотой линию горизонта и мигающие огоньки рыбацких лодок.

– Смерти везде много, – вздохнула Лариса, которая за годы существования с сестрой приучила себя не раздражаться на нее даже в такие моменты, когда та пыталась украсть кусочек законной беззаботной радости. – Это нормально. Одни люди рождаются, а другие – умирают.

– Здесь умирают не от старости, – упрямо бубнила Настенька. – К старости душа устает и улетает легко. Здесь молодые умирают. Их души сопротивляются, не хотят верить. И остаются привязанными к этой земле. Здесь всё кишмя кишит такими душами. Недобрыми, неуспокоенными.

Лариса привычно сканировала окружающих мужчин взглядом опытной куртизанки. Вон тот седой господин с волнами аккуратно уложенных волос, в дорогом льняном пиджаке и с золотым «ролексом» на загорелом запястье – очевидный жиголо. Профессионал – по его маслянистому присахаренному взгляду понятно, что занимается он этим не от нужды, а из-за искренней любви к искусству. Перехватив ее взгляд, он еле заметно отсалютовал бокалом, но не сделал попытки к сближению – тоже наметанным взглядом сразу заметил «коллегу».

А вот тот упитанный немец в смешных круглых очках, прячущий сгоревшие плечи под выцветшей байкерской футболкой, – женат. Ищущий приключений взгляд, внимание приковано к попам молодых девиц, обтянутых яркими шортами, подвижным и упругим. Он ищет готовность пойти на любой зов и радостно отозваться на любое приветствие, а сам оставил в гостиничном номере уставшую от солнца опостылевшую фрау, которая искренне уверена в том, что ее муж пошел пропустить кружечку темного пива в пивной с видом на пустой вечерний пляж.

Двадцатилетний Аполлон с выпуклыми мускулами и беловатыми волчьими глазами, так красиво подчеркнувший загар светлой майкой – гей. Его призывная улыбка и кокетливое поигрывание бровью не означают ничего, кроме страсти к игре. Он еще слишком молод и воспринимает человеческие отношения сложносочиненной схемой, в которой непременно есть победители и проигравшие. Ему льстит женское внимание, он готов бесконечно подыгрывать, коллекционируя чужие сердца.

А печальный европеец средних лет с залегшей под глазами синевой, который заказывает уже пятый бокал сухого вина без закуски, приехал сюда в надежде справиться с разочарованием. Но, к сожалению, от себя не убежишь. Тяжелый груз так и остался при нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.